

ТЕРРИ ПРАТЧЕТТ

ПОСОХ И ШЛЯПА

Sourcery



Терри Пратчетт
Посох и шляпа
Серия «Плоский мир»
Серия «Ринсвинд, Коэн
и волшебники», книга 3

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=120993
Посох и шляпа: Эксмо; Москва; 2006
ISBN 5-699-16610-6

Аннотация

И придет восьмой сын восьмого сына, и покачнется Плоский мир, и поскачут по земле четыре всадника (увы, без лошадей, ибо их увел какой-то ворюга) Абокралиписса. А крайний, как всегда, Ринсвинд, самый неумелый волшебник на Диске.

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

103

Терри Пратчетт

Посох и шляпа

Много лет назад я увидел в Бате очень полную американку, которая быстро-быстро тащила за собой громадный клетчатый чемодан на маленьких постукивающих колесиках. Колесики цеплялись за трещины в асфальте и наделяли чемодан самостоятельной жизнью. Так на свет появился Сундук. Огромное спасибо этой американке и людям, которые работают в таких местах, как компания «Силовой кабель», штат Небраска, и не получают достаточной поддержки.

В этой книге нет карты. Можете нарисовать ее сами.

Жил-был один человек, и было у него восемь сыновей. Если не считать данного факта, человек этот был не более чем точкой на странице Истории. Печально, но вот и все, что можно сказать о некоторых людях.

Восьмой сын вырос, женился, и у него тоже родилось восемь сыновей, а поскольку для восьмого сына восьмого сына существует лишь одна подходящая профессия, он стал волшебником. И сделался он мудрым и могущественным (или просто могущественным), и носил остроконечную шляпу, и на этом все закончилось бы...

Во всяком случае, должно было закончиться.

Но вопреки магическому Закону и всем разумным дово-

дам – если не считать доводов сердца, в которых много теплоты и беспорядка и мало, гм, разума, – он оставил волшебные стены, влюбился и женился (причем не обязательно в вышеуказанном порядке).

И родилось у него семь сыновей, каждый из которых с колыбели был как минимум таким же могущественным, как любой другой волшебник в этом мире.

А затем у него родился восьмой сын...

Волшебник в квадрате. Источник чудес.

Чудесник.

Над песчаными обрывами грохотал летний гром. Далеко внизу море шумно обсасывало гальку, словно беззубый старикашка, которому дали леденец. В потоках восходящего воздуха лениво парили несколько чаек, ожидая каких-нибудь событий.

А отец волшебников сидел на краю обрыва среди кустов и шумящей морской травы, баюкал на руках ребенка и глядел на море.

В сторону материка двигалась взлохмаченная черная туча, и тот свет, который она толкала впереди себя, был похож на густой сироп, как это бывает перед по-настоящему сильной грозой.

Волшебник, за спиной которого внезапно наступила тишина, обернулся и поднял покрасневшие от слез глаза на высокую фигуру в черном одеянии и с капюшоном на голове.

– ИПСЛОР АЛЫЙ? – уточнила фигура голосом гулким, как пещера, и насыщенным, как нейтронная звезда.

Ипслор улыбнулся ужасной ухмылкой внезапно обезумевшего человека и продемонстрировал Смерти дитя.

– Мой сын, – сообщил он. – Я назову его Койн.

– ИМЯ НЕ ХУЖЕ ЛЮБОГО ДРУГОГО, – вежливо отозвался Смерть.

Пустые глазницы уставились на маленькое круглое личико, погруженное в сон. Вопреки слухам, Смерть вовсе не жесток – просто он ужасно, ужасно хорошо выполняет свою работу.

– Ты забрал его мать, – проговорил Ипслор. Это была сухая констатация факта, в которой не чувствовалось никакой злобы.

От дома Ипслора, что стоял в долине над обрывом, остались одни дымящиеся руины, и поднимающийся ветер уже разносил по шуршащим дюнам хрупкие ошметки пепла.

– ВООБЩЕ-ТО, ЭТО БЫЛ НЕ Я, А СЕРДЕЧНЫЙ ПРИСТУП. НО БЫВАЮТ И ХУДШИЕ СПОСОБЫ ОТПРАВИТЬСЯ НА ТОТ СВЕТ, – утешил его Смерть. – МОЖЕШЬ МНЕ ПОВЕРИТЬ.

Ипслор посмотрел на море.

– Вся моя магия не смогла спасти ее.

– ЕСТЬ МЕСТА, КУДА ДАЖЕ МАГИЯ НЕ СМЕЕТ ПРОНИКАТЬ.

– А теперь ты пришел за ребенком?

– НЕТ. У РЕБЕНКА СВОЯ СУДЬБА. Я ПРИШЕЛ ЗА ТОБОЙ.

– А-а.

Волшебник поднялся на ноги, осторожно положил спящего мальчика на редкую траву и взял лежавший рядом длинный посох. Тот был сделан из какого-то черного металла, покрытого сеткой серебряных и золотых резных узоров, которые придавали посоху пышный и зловеще безвкусный вид. Металл назывался октирон и был магическим по самой своей сути.

– Знаешь, ведь это я его выковал, – похвастался Ипслор. – Все говорят, что из металла посох сделать нельзя, мол, посох должен быть из дерева, но люди ошибаются. Я вложил в него бóльшую часть своей души. И подарю его ребенку.

Он с любовью провел ладонью по посоху, и тот отозвался слабым звоном.

– Вложил в него бóльшую часть своей души... – повторил волшебник.

– ХОРОШИЙ ПОСОХ, – заметил Смерть.

Ипслор поднял посох в воздух и посмотрел на своего восьмого сына. Младенец загукал.

– Она хотела дочку, – проговорил волшебник.

Смерть пожал плечами. Ипслор бросил на него взгляд, в котором сочетались замешательство и ярость.

– Кто же он такой на самом деле?

– ВОСЬМОЙ СЫН ВОСЬМОГО СЫНА ВОСЬМОГО

СЫНА, – ответил Смерть, ничуть не прояснив ситуацию.

Ветер дергал за одежду и гнал над головами черные тучи.

– И кем же он станет?

– ЧУДЕСНИКОМ. ТЫ И САМ ЭТО ПРЕКРАСНО ЗНАЕШЬ.

Словно по команде над землей прокатился гром.

– Но какова будет его судьба? – крикнул Ипслор, перекрывая вой поднимающейся бури.

Смерть снова пожал плечами. У него это здорово получалось.

– ЧУДЕСНИКИ САМИ ТВОРЯТ СВОИ СУДЬБЫ. МИРСКИЕ ДЕЛА ИХ МАЛО ЗАБОТЯТ.

Ипслор оперся о посох и начал барабанить по набалдашнику пальцами, по-видимому плутая в лабиринте собственных мыслей. Его левая бровь подергивалась.

– Нет, – тихо промолвил он. – Нет. Судьбу для него сотворю я.

– Я БЫ ТЕБЕ НЕ СОВЕТОВАЛ.

– Молчи! И слушай. Это они вынудили меня уйти – они, со своими книгами, ритуалами и Законом! Они называли себя волшебниками, но у каждого из них во всем его жирном теле было меньше магии, чем в одном моем мизинце! И они изгнали! *Меня!* За то, что я проявил хоть какие-то человеческие черты! А что есть человек без любви?

– ВЫМИРАЮЩИЙ ВИД, – отвечивал Смерть. – И ТЕМ НЕ МЕНЕЕ...

– Слушай! Они заставили нас укрыться здесь, на краю света, и это убило ее! Они пытались отобрать мой посох!

Ипслор уже орал во всю глотку, перекрикивая рев ветра.

– Что ж, у меня еще осталась кое-какая сила, – рычал он. – И я говорю: мой сын поступит в Незримый Университет и будет носить шляпу аркканцлера, и все волшебники преклонятся перед ним! Он покажет им, что лежит в самых сокровенных глубинах их сердец. Их трусливых, жадных душонок. Он будет править судьбой мира, и ни один маг на Диске не сможет сравниться с ним.

– ОШИБАЕШЬСЯ.

Самое странное, что спокойный ответ Смерти заглушил собой завывание бури. На мгновение это вернуло Ипслору разум.

Волшебник неуверенно покачался взад-вперед и уточнил:

– Что-что?

– Я СКАЗАЛ «ОШИБАЕШЬСЯ». НИЧТО НЕ ОКОНЧАТЕЛЬНО. НИЧТО НЕ АБСОЛЮТНО. КРОМЕ МЕНЯ, РАЗУМЕЕТСЯ. НЕБРЕЖНОЕ ОБРАЩЕНИЕ С СУДЬБОЙ МОЖЕТ ПРИВЕСТИ МИР К ГИБЕЛИ. У ДИСКА ДОЛЖЕН ОСТАВАТЬСЯ ШАНС НА СПАСЕНИЕ, ХОТЯ БЫ НИЧТОЖНЫЙ. ЮРИСТЫ, ЗАЩИЩАЮЩИЕ ПРАВА РОКА, ТРЕБУЮТ, ЧТОБЫ В КАЖДОМ ПРОРОЧЕСТВЕ ОСТАВАЛАСЬ ЛАЗЕЙКА.

Ипслор уставился на неумолимое лицо Смерти.

– То есть я должен дать им шанс?

– ДА.

«Тук-тук-тук», – забарабанили пальцы Ипслора по металлу посоха.

– Тогда они получают свой шанс, – согласился наконец волшебник. – Но только если ад покроется льдом.

– НЕТ. ДАЖЕ ПУТЕМ УМАЛЧИВАНИЯ МНЕ НЕ ДОЗВОЛЕНО СООБЩАТЬ, КАКАЯ ТЕМПЕРАТУРА ХАРАКТЕРНА ДЛЯ ТОГО СВЕТА.

– Тогда... – Ипслор заколебался. – Они получают свой шанс, если мой сын откажется от своего посоха.

– НИ ОДИН ВОЛШЕБНИК ДОБРОВОЛЬНО НЕ ОТКАЖЕТСЯ ОТ СВОЕГО ПОСОХА, – возразил Смерть. – ОН СЛИШКОМ ТЕСНО СВЯЗАН С ЭТИМ МАГИЧЕСКИМ ПРЕДМЕТОМ.

– Однако ты должен признать, что такое возможно.

Смерть задумался над утверждением. Он не привык, чтобы ему говорили, что он должен, а чего – нет, но решил не заострять на этом внимание.

– СОГЛАСЕН, – кивнул он.

– Для тебя это достаточно ничтожный шанс?

– ПРИЕМЛЕМО МИКРОСКОПИЧЕСКИЙ.

Ипслор немного расслабился и почти нормальным голосом заявил:

– Знаешь, я не жалею о содеянном. Будь у меня вторая жизнь, я бы прожил ее точно так же. Дети – вот наша надежда на будущее.

– НАДЕЖДЫ НА БУДУЩЕЕ НЕ СУЩЕСТВУЕТ, – возразил Смерть.

– Но тогда что ж оно нам готовит?

– МЕНЯ.

– Я имею в виду помимо тебя?

Смерть посмотрел на него озадаченным взглядом.

– ПРОСТИ, НЕ?

Рев бури у них над головами достиг апогея. Мимо задом наперед пролетела чайка.

– Я всегда хотел знать, – горько проговорил Ипслор, – что в этом мире есть такого, ради чего стоит жить?

Смерть обдумал его вопрос и наконец ответил:

– КОШКИ. КОШКИ – ЭТО ХОРОШО.

– Будь ты проклят!

– МЕНЯ МНОГИЕ ПРОКЛИНАЛИ, – ровным голосом откликнулся Смерть.

– Сколько у меня осталось времени?

Смерть выудил из сокровенных глубин своего одеяния большие песочные часы. Их колбы были заключены между черными с золотом пластинами, и почти весь песок перетек вниз.

– ОКОЛО ДЕВЯТИ СЕКУНД.

Ипслор выпрямился во весь свой по-прежнему внушительный рост и протянул сверкающий металлический посох сыну. Тот выпростал из-под одеяла похожую на маленького розового крабика ручку и крепко схватил подарок.

– Тогда пусть я буду первым и последним в истории этого мира волшебником, который передаст свой посох восьмому сыну, – медленно и звучно проговорил Ипслор. – И я поручаю ему использовать этот посох...

– НА ТВОЕМ МЕСТЕ Я БЫ ПОТОРОПИЛСЯ...

– ...На все сто процентов, – продолжал Ипслор, – и стать могущественнейшим...

Молния, с визгом вырвавшаяся из самого сердца тучи, воткнулась прямо в вершину шляпы волшебника, потрескивая пробежала по его руке, промелькнула по посоху и ударила в ребенка.

Волшебник исчез, оставив после себя лишь струйку дыма. Посох полыхнул сначала зеленым пламенем, потом белым, а затем просто раскалился докрасна. Малыш во сне улыбнулся.

Когда раскаты грома стихли вдали, Смерть медленно нагнулся и взял ребенка на руки. Тот открыл глаза.

Они сияли золотистым светом. Впервые в... За неимением лучшего слова придется назвать это жизнью. Так вот, впервые в жизни Смерть обнаружил, что смотрит в глаза, взгляд которых ему трудно вынести. Они как будто фокусировались в точке, которая находилась где-то внутри его черепа.

«Я не хотел... – произнес голос Ипслора откуда-то из воздуха. – Он не пострадал?»

– НЕТ. – Смерть наконец нашел в себе силы оторвать-

ся от всезнающей улыбки младенца. – ОН ВОБРАЛ В СЕБЯ ЭНЕРГИЮ МОЛНИИ. ОН ЧУДЕСНИК. ДЛЯ НЕГО ЭТО СУЩИЙ ПУСТЯК. А ТЕПЕРЬ... ТЫ ПОЙДЕШЬ СО МНОЙ.

«Нет!»

– ДА. ВИДИШЬ ЛИ, ТЫ МЕРТВ. – Смерть оглянулся в поисках колышущейся тени Ипслора и не смог ее обнаружить. – ТЫ ГДЕ?

«В посохе».

Смерть оперся на косу и вздохнул.

– ГЛУПО. Я ЖЕ ЛЕГКО ДОСТАНУ ТЕБЯ ОТТУДА.

«Не получится. Для этого тебе придется уничтожить посох, – возразил голос Ипслора, и Смерти показалось, что в нем появились какие-то новые, густые, торжествующие нотки. – Но сейчас, когда малыш принял мой дар, ты не можешь уничтожить посох, не уничтожив младенца. А для этого нужно изменить ход вещей. Мое последнее волшебство. По-моему, довольно ловко».

Смерть потыкал в посох пальцем. Посох начал потрескивать, и по нему самым бесстыжим образом забегали искры.

Как ни странно, Смерть не особенно разозлился. Злость – это эмоция, но для эмоций требуются железы, а Смерти железы ни к чему, поэтому ему нужно было очень уж завестись, чтобы разозлиться. Но легкое раздражение он все же испытал. Смерть снова вздохнул. Люди не раз пытались проделывать подобные штучки. С другой стороны, за этим доволь-

но интересно наблюдать, и, по крайней мере, данный фокус был более оригинальным, чем обычная символическая игра в шахматы, которой Смерть всегда побаивался, поскольку никак не мог запомнить, как ходит конь.

– ТЫ ТОЛЬКО ОТТЯГИВАЕШЬ НЕИЗБЕЖНОЕ, – предупредил он.

«В этом и заключается жизнь».

– НО ЧЕГО ТЫ НАДЕЕШЬСЯ ДОБИТЬСЯ?

«Я останусь рядом с сыном. Стану учить его, хотя он и не узнает об этом. Буду направлять его разум. И, когда он повзрослеет, буду направлять его шаги».

– НО СКАЖИ, – спросил Смерть, – КУДА ТЫ НАПРАВИЛ ОСТАЛЬНЫХ СВОИХ СЫНОВЕЙ?

«Я выгнал их из дома. Они осмелились спорить со мной, не желали слушать то, чему я их учил. Но этот малыш меня послушает».

– РАЗУМНО ЛИ ЭТО?

Посох ничего не ответил. Лежащий рядом мальчик довольно улыбнулся при звуке голоса, который он один мог услышать.

Невозможно найти аналогию тому, каким образом всемирная черепаха Великий А’Туин движется на фоне галактической ночи. Когда ваша длина составляет десять тысяч миль, а панцирь изрыт метеоритными кратерами и покрыт льдом комет, единственное, на кого вы можете походить, это

на себя самого.

Итак, Великий А’Туин медленно плыл в межзвездных глубинах, словно самая большая из всех когда-либо существовавших черепах. Он нес на своем панцире четырех громадных слонов, на чьих спинах покоился огромный, сверкающий, окруженный Краепадом диск Плоского мира, существовавшего либо благодаря какому-то немыслимому выверту на кривой вероятности, либо потому, что богам тоже присуще чувство юмора.

Чувство юмора, которым немногие люди могут похвастаться.

Неподалеку от берегов Круглого моря, в древнем, раскинувшемся на многие мили городе Анк-Морпорке на бархатной подушке, что лежала на полке на одном из верхних этажей Незримого Университета, хранилась шляпа.

Это была хорошая шляпа. Просто *отличная* шляпа.

Разумеется, она была остроконечной, с широкими волнистыми полями, но, только покончив с этими основополагающими деталями, ее изготовитель по-настоящему взялся за дело. Шляпа была украшена золотым кружевом, жемчугом, полосками самого что ни на есть настоящего дурноста¹, сверкающими анкскими камнями², невероятно безвкусыными

¹ Дурноста¹ – это небольшой черно-белый родственник лемминга, встречающийся в холодных районах Пупземелья. Его мех крайне редок и высоко ценится – особенно самим дурностаем. Этот паршивый маленький эгоист пойдет на что угодно, лишь бы не расставаться со своей жалкой шкуркой.

² Что-то вроде лунных камней, только родом из другого места. В том, что ка-

блестками и кольцом из октаринов.

Поскольку на данный момент октарины не окружало сильное магическое поле, камни были тусклыми и походили на довольно плохонькие бриллианты.

В Анк-Морпорк пришла весна. Это не было заметно с первого взгляда, но существовал ряд признаков, которые истинные знатоки замечали с первого взгляда. К примеру, пена на реке Анк, на этом величественном, широком, медленном водном пути, который служил двуединому городу резервуаром, канализационным коллектором и зачастую моргом, приобрела радужно-зеленый цвет. Окосевшие городские крыши покрылись матрасами и подушками – это горожане выставили зимние постельные принадлежности просушиться на слабеньком солнышке. В глубине затхлых подвалов выгибались и стонали балки, сок внутри которых отзывался на извечный зов корней. Птицы вили гнезда среди сточных труб и карнизов Незримого Университета, хотя необходимо отметить: как бы велика ни была нехватка мест для гнездования, ни одна птица ни разу не устроила гнездо в зазывно открытых ртах выстроившихся вдоль крыши горгулий-водоветов – к большому разочарованию последних.

Нечто вроде весны пришло даже в древний Университет. Наступил День Мелких Богов, и волшебники должны были избрать себе нового аркканцлера.

сается блестящих предметов, волшебники отличаются вкусом и самообладанием свихнувшейся сороки.

Ну, не совсем *избрать*, поскольку волшебники не очень-то жалуют все эти унижительные затеи с голосованием. К тому же хорошо известно, что аркканцлеры избираются согласно воле богов, а в этом году можно было биться об заклад, что боги поспособствуют избранию старого Виррида Шатогуся, который был неплохим малым и много лет терпеливо ждал своей очереди.

Аркканцлер Незримого Университета был официальным главой всех волшебников на Диске. Некогда это означало, что он наиболее могуществен в обращении с магией, но в нынешние спокойные времена старшие волшебники имели склонность рассматривать магию как нечто недостойное. Они обычно предпочитали управленческую работу, которая была безопаснее и доставляла почти столько же удовольствия, да еще позволяла участвовать в званых обедах.

Одним словом, долгий день шел своим чередом. Шляпа лежала на выцветшей подушке в апартаментах Шатогуся, а сам Шатогусь сидел в ванне перед камином и намыливал бороду. Другие волшебники дремали над фолиантами или неспешно прохаживались по саду, чтобы нагулять аппетит перед предстоящим вечером пиршеством. Примерно дюжина шагов позволяла нагулять буквально бешеный аппетит.

В Главном зале слуги устанавливали длинные столы и скамьи под вырезанными из камня и нарисованными взглядами двух сотен прежних аркканцлеров. В сводчатом лабиринте кухонь... ну, здесь воображению не нужна подмога.

Оно должно охватывать потоки жира, жара и криков, целых жареных быков, бочонки икры, цепочки сосисок, протянутые, словно бумажные гирлянды, от стенки к стенке, и самого шеф-повара, который трудился в одном из холодильников, внося завершающие штрихи в модель Университета, вырезанную почему-то из сливочного масла. Он изготавливал такую модель каждый раз, когда в Университете случался праздник. Лебеди из масла, здания из масла, целые зверинцы из прогорклого желтого жира – все это доставляло шеф-повару такое удовольствие, что ни у кого не хватало духу сказать ему, чтобы он завязывал.

Мажордом бродил в лабиринте подвалов, среди бочонков, разливая вино по бутылкам и пробуя его.

Состояние ожидания распространилось даже на ворон, обитающих на крыше Башни Искусства, которая имела в высоту восемьсот футов и была, по слухам, самым древним зданием в мире. Ее осыпающиеся каменные стены возносили высоко над городскими крышами пышный миниатюрный лесок, в котором возникли совершенно новые виды жуков и мелких млекопитающих. Поскольку в нынешние дни люди редко поднимались на башню – ввиду ее неприятной склонности раскачиваться на ветру, – она находилась полностью в распоряжении ворон. И сейчас черные птицы летали вокруг башни в некотором возбуждении, словно мошकारа перед бурей. Пора бы кому-нибудь внизу обратить на них внимание.

Вот-вот случится нечто ужасное.

Но вы-то это понимаете, не так ли?

Вы не единственный.

– Что такое в них вселилось? – прокричал Ринсвинд, перекрывая царящий в библиотеке гвалт.

Библиотекарь пригнулся, уворачиваясь от переплетенного в кожу гримуара, который вылетел с полки, но резко остановился, задержанный прикованной к шкафу цепью. Нырнув вниз, библиотекарь перекатился и приземлился на «Малефисиево Введение Въ Демонологию», которое без устали подпрыгивало на своей кафедре.

– У-ук, – сказал он.

Ринсвинд уперся плечом в поддрагивающую книжную полку и коленями запихнул на место шелестящие гримуары. Шум стоял жуткий.

Магические книги обладают чем-то вроде собственной жизни. У некоторых ее даже в избытке. К примеру, первое издание Некротеликомникона приходится хранить между железными пластинами. «Истинное Искусство Леветации» провело последние полторы сотни лет наверху, на чердаке, а «Свот Сексуальной Магеи Же Форджа» лежит в корыте со льдом в отдельной комнате, и строгое правило гласит, что его могут читать только волшебники, достигшие восьмидесяти лет и по возможности мертвые.

Но даже повседневные гримуары и инкунабулы ерзали и нервничали, как нервничают обитатели курятника, когда

что-то вонючее скребется под дверь. Из-под закрытых переплетов доносилось приглушенное царапанье, словно там резвились когти.

– Что ты сказал? – крикнул Ринсвинд.

– У-ук³.

– Точно!

В качестве почетного помощника библиотекаря Ринсвинд продвинулся лишь немногим дальше основ индексирования книг и хождения за бананами, так что он искренне восхищался тем, как библиотекарь ковыляет среди подрагивающих полок, тут проводя черной кожистой ладошкой по трепещущему переплету, там ободряя перепуганную энциклопедию несколькими успокаивающими звуками.

Спустя какое-то время библиотека начала затихать, и Ринсвинд почувствовал, что его спинные мускулы потихоньку расслабляются.

Однако то был непрочный покой. Страницы то и дело шелестели. С отдаленных полок доносилось зловещее по-

³ Магический несчастный случай в библиотеке – которая, как уже указывалось, несколько не подходит для обычной работы с резиновой печатью и десятичной системой классификации – превратил библиотекаря в орангутана. С тех пор библиотекарь противится всем попыткам превратить его обратно. Ему понравились ловкие длинные руки, гибкие пальцы на ногах и право чесаться на людях, а больше всего его устраивало то, что все глобальные вопросы внезапно свелись к рассеянному интересу по поводу того, откуда поступит следующий банан. Не то чтобы библиотекарь не был осведомлен о безысходности и величии пребывания в человеческом облике. Но лично его отношение было следующим: вы можете запихнуть это величие, куда вам понравится.

скрипывание переплетов. После приступа паники библиотека стала такой же настороженной и пугливой, как длиннохвостая кошка на фабрике по производству кресел-качалок.

Библиотекарь приковылял по проходу обратно. На его лице, в которое могла влюбиться разве что шина от грузовика, играла вечная легкая усмешка, но по тому, как орангутан заполз в свое гнездышко под столом и спрятал голову под одеяло, Ринсвинд понял, что тот крайне обеспокоен.

Сейчас Ринсвинд вглядывается в окружающие угрюмые полки, а мы тем временем повнимательнее рассмотрим Ринсвинда. На Диске существует восемь уровней волшебства; после шестнадцати лет обучения Ринсвинд не поднялся даже до первого. По сути дела, согласно вполне обоснованному мнению некоторых его наставников, он не способен был дойти даже до нулевого уровня, присущего всем нормальным людям с самого рождения. Более того, было высказано предположение, что, когда Ринсвинд умрет, средняя способность человеческой расы к усвоению оккультных наук резко повысится.

Ринсвинд высок и тощ, его подбородок украшает общипанная бороденка из тех, которые носят люди, обделенные природой искусством носить бороды. Он одет в темно-красный балахон, который видел лучшие дни, а возможно, и лучшие десятилетия. Но вы сразу узнаете в нем волшебника, потому что Ринсвинд носит остроконечную шляпу с волнистыми полями, на которой кто-то, кто владеет орфографи-

ей еще хуже, чем иголкой, большими серебряными буквами вышил: «Валшебник». Сверху шляпу венчает звезда, потерявшая бóльшую часть своих блесток.

Нахлобучив шляпу на голову, Ринсвинд протиснулся в старинные двери библиотеки и вылез на золотистый дневной свет. Снаружи царили тишина и покой, нарушаемые лишь истерическим карканьем ворон, круживших вокруг Башни Искусств.

Ринсвинд какое-то время наблюдал за ними. Университетские вороны не из робкого десятка. Их не так-то легко вывести из равновесия...

Но с другой стороны...

...Небо было мирного бледно-голубого цвета с золотистым оттенком, и несколько пушистых облачков высоко над головой отливали розовым в удлиняющихся лучах солнца. В четырехугольном внутреннем дворе всюду цвели старые каштаны. Из открытого окна доносились звуки скрипки, на которой играл какой-то студент-волшебник – причем играл довольно плохо. Вряд ли подобную картину можно назвать зловещей.

Ринсвинд прислонился спиной к теплым камням стены. И заорал.

Здание била дрожь. Ринсвинд чувствовал, как она передается его ладони и поднимается по рукам – едва уловимая пульсация, причем именно на той частоте, которая присуща неконтролируемому ужасу. Сами камни были напуганы.

Услышав слабое позвякивание, Ринсвинд в страхе посмотрел вниз. Декоративная крышка люка откинулась, и из дыры высунулись усы одной из университетских крыс. Выбравшись наружу, она бросила на Ринсвинда отчаянный взгляд и пробежала мимо. За ней последовали дюжины ее соплеменниц. Некоторые из крыс были одеты в нарядные одежды, но такое зрелище никого в Университете не удивляло – высокий уровень фоновой магии проделывает с генами удивительные вещи.

Оглянувшись по сторонам, Ринсвинд увидел вокруг себя ручейки серых тел, устремляющиеся к наружной стене. Рядом с ухом зашелестел плющ, и несколько крыс, бесстрашно прыгнув на плечо Ринсвинда, соскользнули по его балахону. Во всех остальных отношениях они полностью проигнорировали волшебника, что опять-таки было неудивительно. Ринсвинда игнорировало большинство существ.

Он повернулся, бросился в здание Университета и бежал, взбивая коленями подол балахона, пока не достиг кабинета казначея. Он забарабанил в дверь кулаками, и та со скрипом отворилась.

– А-а. Ты, гм, Ринсвинд, если не ошибаюсь? – без особого энтузиазма проговорил казначей. – Ну, в чем дело?

– Мы тонем!

Какое-то время казначей непонимающе тарасился на волшебника. Казначей звали Лузган. Он был высоким, жилистым и выглядел так, словно все предыдущие жизни про-

жил в облике лошади и ему едва-едва удалось избежать той же участи в жизни теперешней. У общающихся с ним людей создавалось устойчивое впечатление, что он смотрит на них зубами.

– Тонем?

– Ну да! Крысы бегут из Университета!

Казначей смерил Ринсвинда еще одним взглядом.

– Ты заходи, заходи, – мягко пригласил он.

Ринсвинд вместе с ним пересек темную комнату с низким потолком и выглянул в окно. Оно выходило в сад и на раскинувшуюся за ним реку, мирно сочащуюся к морю.

– Ты, случайно, гм, не перегибаешь? – осведомился казначей.

– Перегибаю? – с виноватым видом переспросил Ринсвинд.

– Видишь ли, это здание, – сообщил казначей и, как поступают большинство волшебников, столкнувшихся с головоломной загадкой, принялся сворачивать себе сигарету, – не корабль. Знаешь, иногда их можно отличить. По отсутствию дельфинов, резвящихся у носа. По недостатке бортов. Вероятность того, что мы пойдем ко дну, крайне мала. Иначе, гм, нам пришлось бы спустить команду в сарай и грести к берегу. Гм?

– Но крысы...

– Наверное, в гавань пришел корабль с зерном. Какой-то, гм, весенний ритуал.

– А еще я почувствовал, что здание дрожит, – несколько неуверенно доложил Ринсвинд.

Здесь, в тихой комнатухе с камином, в котором потрескивал огонь, происшедшее казалось, мягко сказать, нереальным.

– Случайные толчки. Может, гм, Великий А’Туин икнул. Так что, гм, возьми себя в руки. Ты сегодня ничего не пил?

– Нет!

– Гм. А хочешь?

Лузган неслышными шагами подошел к буфету из темного дуба, вытащил пару бокалов и наполнил их водой из кувшина.

– В это время дня у меня лучше всего получается шерри, – заметил он, простирая руки над стаканами. – Тебе, гм, какое – сладкое или сухое?

– Гм, нет, – помотал головой Ринсвинд. – Возможно, гм, ты прав. Наверное, мне стоит немножко отдохнуть.

– Хорошая мысль.

Ринсвинд брел по промозглым каменным коридорам. Время от времени он прикасался рукой к стене и вроде как прислушивался, но потом качал головой.

Пересекая внутренний двор, он увидел, как полчища мышей переваливают через перила балкона и со всех лап несутся к реке. Даже земля, по которой они бежали, двигалась. Присмотревшись, Ринсвинд понял, что все вокруг усеяно муравьями.

Это были не обыкновенные муравьи. Магия, столетиями пронизывающая стены Университета, сотворила с насекомыми нечто странное. Некоторые муравьи толкали малюсенькие тачки, другие ехали верхом на жуках, но, главное, все они как можно быстрее покидали Университет. Трава на лужайке ходила волнами.

Ринсвинд поднял глаза и узрел выдавший виды полосатый матрас, который высунулся из окна на верхнем этаже и тяжело шлепнулся вниз, на каменные плиты. Полежав немного, будто бы переводя дух, матрас приподнялся над землей и целеустремленно поплыл через лужайку, двигаясь прямо на Ринсвинда. Тот едва успел убраться с его дороги. Матрас унесся вдаль, но Ринсвинд успел-таки услышать тоненькое попискивание и заметить выглядывающие из-под бугрящейся ткани тысячи крошечных ножек. Решительно шагающих ножек. Даже клопы снялись с места, а матрас прихватили с собой, решив, что не стоит бросать столь удобные апартаменты. Один из клопов приветливо помахал Ринсвинду лапкой и пропищал какое-то приветствие.

Ринсвинд попятился, но вдруг его ног что-то коснулось, и он буквально заledenел. Оглянувшись, он увидел каменную скамью. Во всяком случае, она удирать не собиралась. Ринсвинд с признательностью опустил на нее.

«Этому наверняка есть какое-то естественное объяснение, – подумал он. – Или, по крайней мере, неестественное». С противоположного конца лужайки донесся скребущий

звук, и Ринсвинд повернул голову.

Этому естественного объяснения быть не могло. С немислимой медлительностью, сползая по парапетам и сточным трубам, крышу покидали горгульи-водомеры. Причем их исход сопровождался абсолютным молчанием, если не считать изредка раздающегося скрежета камня о камень.

Жаль, что Ринсвинд никогда не наблюдал низкокачественных подборок стоп-кадров, не то бы он точно знал, как описать представшее его глазам зрелище.

Химеры не двигались, их перемещение напоминало серию демонстрируемых с большой скоростью картинок. Жиденькой процессией, состоящей из клювов, грив, крыльев, когтей и голубинового помета, горгульи ковыляли мимо Ринсвинда.

– Что происходит? – пискнул он.

Какая-то тварь с мордой гоблина, телом гарпии и куриными ногами несколькими короткими рывками повернула голову и заговорила. Голос ее походил на пищеварительный процесс в недрах горы (хотя эффект от глубокого, резонирующего звука был здорово подпорчен тем, что горгуля никак не могла закрыть рот).

– Уэсник иет! Асайся!

– Извини? – переспросил Ринсвинд.

Но горгуля уже прошла мимо и теперь неуклюже ковыляла через старинную лужайку⁴.

⁴ Борозда, оставленная удирающими горгульями, заставила старшего садовни-

Целых десять секунд Ринсвинд сидел и тупо смотрел в никуда, после чего слабо вскрикнул и сорвался с места.

Остановился он, лишь когда добежал до своей комнаты в здании библиотеки. Честно говоря, комната была не ахти какая, поскольку ее использовали в основном для хранения старой мебели. Зато это был дом.

Возле одной из утопающих стен стоял шкаф. Не из тех, современных, годных лишь на то, чтобы в них заскакивали нервные любовники, когда муж раньше времени возвратится домой. Нет, это было старинное дубовое сооружение, черное, как сама ночь. В его пыльных глубинах рыскали и размножались одежные вешалки, а по днищу бродили орды облупившихся ботинок. Вполне возможно, что шкаф служил потайной дверью в сказочные миры, но из-за бьющего наповал запаха нафталина никто никогда не пытался выяснить это.

На шкафу, завернутый в обрывки желтеющей бумаги и старые чехлы, лежал большой, окованный латунными полосами ящик. Он отзывался на имя Сундук. Причина, по которой Сундук согласился принадлежать Ринсвинду, была известна только Сундуку, а он ее никому не раскрывал. За всю историю существования дорожных аксессуаров ни за одним предметом не числилось столько тайн и тяжелых телесных по-

ка Университета сожрать собственные грабли и вызвала к жизни знаменитое изречение: «Как добиться такой замечательной лужайки? Очень просто. Подстригаешь ее, ухаживаешь за ней в течение пяти сотен лет, а потом по ней прокатывается банда каких-то сволочей».

вреждений. Судя по описаниям, Сундук был наполовину чемодан, наполовину маньяк-убийца. Он обладал множеством необычных качеств, которые могут вскорости проявиться, а могут и не проявиться, но в настоящий момент лишь одно отличало его от любого другого окованного латунию сундука. Он храпел, издавая пронзительный скрежет, как будто кто-то медленно пилит бревно.

Сундук мог быть волшебным. Мог внушать ужас. Но в глубине своей загадочной души он был сродни любому другому багажу во всей множественной вселенной и предпочитал проводить зиму в спячке на шкафу.

Ринсвинд колотил по нему метлой до тех пор, пока пилящий звук не прекратился, после чего волшебник заполнил карманы всякой всячиной, изъятой из ящика из-под бананов (он же – туалетный столик), и направился к двери. Ринсвинд не мог не заметить, что его матрас исчез, но это не имело значения – почему-то он был совершенно уверен, что ему больше не доведется спать на матрасе.

Сундук с солидным шлепком сверзился на пол и с крайней осторожностью поднялся на сотни маленьких розовых ножек. Немного покачавшись взад-вперед и проверив по очереди каждую ногу, он открыл крышку и зевнул.

– Ты идешь или нет?

Крышка резко захлопнулась. Сундук, шаркая ногами по полу, совершил сложный маневр, в результате которого развернулся к двери передом, и потопал следом за хозяином.

В библиотеке все еще ощущалась напряженность, и время от времени слышались позвякивание цепей⁵ и приглушенное похрустывание страниц. Ринсвинд сунул руку под стол и нащупал библиотекаря, который по-прежнему прятался под своим одеялом.

– Пошли, говорю!

– У-ук.

– Я угощу тебя выпивкой, – в отчаянии пообещал Ринсвинд.

Библиотекарь приподнялся, словно четырехногий паук.

– У-ук?

Ринсвинд почти волоком вытащил его за дверь библиотеки. К главным воротам он не пошел, но направился к участку стены, который был ничем не примечательным во всех отношениях, кроме одного: хитроумные студенты расшатали здесь несколько камней и вот уже в течение двух тысяч лет ненавязчиво пользовались этим ходом, чтобы удирать из Университета после отбоя. Однако Ринсвинду не суждено было добраться до цели. Сделав несколько шагов, он неожиданно остановился. Библиотекарь, естественно, не замедлил врезаться в него, а Сундук – в них обоих.

– У-ук!

⁵ В большинстве библиотек старые книги приковывают цепями к полке, чтобы люди не утащили их с собой и не испортили. Разумеется, в библиотеке Незримого Университета дело обстоит с точностью до наоборот.

– О боги, – пробормотал Ринсвинд. – Ты только посмотри!
– У-ук?

Сквозь решетку, находящуюся неподалеку от кухонь, тек сверкающий черный поток. Свет ранних вечерних звезд отражался от миллионов крошечных черных спинок.

Но вовсе не тараканы так расстроили Ринсвинда, нет. Все дело в решимости, с которой они шагали – нога в ногу, по сотне в ряд. Как и прочие неофициальные обитатели Университета, тараканы обладали несколько необычными чертами, но в топоте миллиардов маленьких ножек, одновременно ударяющихся о камни, было что-то особенно неприятное.

Ринсвинд осторожно перешагнул марширующую колонну. Библиотекарь перепрыгнул через нее.

Сундук последовал за ними, произведя хруст, словно кто-то станцевал чечетку на мешке с чипсами.

Покидать Университет все равно пришлось через ворота вместе с насекомыми и маленькими перепуганными грызунами. Сундук не умел лазать по стенам, зато умел проходить сквозь них, причиняя необратимый ущерб, поэтому Ринсвинд предпочел не рисковать. Выйдя за ворота, волшебник решил, что если пара кружек пива, выпитых в спокойной обстановке, не позволит ему увидеть вещи в совершенно ином свете, то еще несколько кружечек, возможно, помогут достичь желаемого. Во всяком случае, попытаться стоило. Вот почему он не присутствовал на обеде в Главном зале. И это оказался самый важный обед из тех, что Ринсвинд в своей

жизни пропустил.

За университетской стеной что-то слабо звякнуло, и за торчащие наверху штыри уцепился крюк. Мгновением спустя стройная, одетая в черное фигура легко соскочила во двор Университета и бесшумно двинулась в сторону Главного зала, где вскоре затерялась.

Ее все равно никто не заметил бы. С другой стороны университетского городка к воротам приближался чудесник. Там, где его ноги касались камней мостовой, потрескивали голубые искры и испарялась вечерняя роса.

Было очень, очень жарко. Огромный камин у расположенной по вращению стены Главного зала раскалился почти добела. Волшебники плохо переносят холод, так что жар от ревущих поленьев без труда плавил свечи, находящиеся в двадцати футах от камина. Лак, нанесенный на длинные столы, пузырился и кипел. Воздух над собравшейся компанией был сизым от табачного дыма, который, клубясь в случайных потоках магии, принимал самые необычные формы. На центральном столе лежал зажаренный поросенок с выражением крайнего раздражения на морде – его зарезали, не дождав-шись, пока он доест свое яблоко. Сделанная из масла модель Университета потихоньку растворялась в лужице жира.

Пиво здесь лилось рекой. Раскрасневшиеся, довольные волшебники распевали старинные застольные песни, в ходе

исполнения которых полагалось от души хлопать себя по коленям и кричать «Хо!». Единственным возможным оправданием для такого рода развлечений служит тот факт, что волшебники дают обет безбрачия и им приходится развлекаться любыми другими доступными способами.

Еще одной причиной всеобщего праздничного настроения было то, что в данный момент ни один волшебник не пытался прикончить другого. В магических кругах такое положение дел не совсем обычно.

Высшие уровни волшебной иерархии – крайне опасное место. Каждый волшебник старается подсидеть вышестоящих и одновременно наступить на пальцы тем, кто карабкается снизу. Сказать, что волшебники по натуре склонны к здоровому соревнованию, все равно что заявить, что пиратки от природы слегка кусачи. Однако с тех самых пор, как великие Магические войны опустошили целые области Диска⁶, волшебникам было запрещено улаживать свои разногласия при помощи магических средств, поскольку это доставляет множество неприятностей широким слоям населения. Кроме того, зачастую очень трудно определить, какая из образовавшихся лужиц дымящегося жира является победителем. Так что теперь волшебники традиционно прибегают к помощи ножей, изощренных ядов, скорпионов в туфлях и

⁶ По крайней мере, разумные существа старались не селиться в таких областях. Во всяком случае, те, кто хотел проснуться утром в том же физическом и биологическом виде, в котором ложился спать.

уморительных ловушек, составной частью которых является острый как бритва маятник.

Однако убивать своих братьев-волшебников в День Мелких Богов считалось крайне дурным тоном, так что все позволили себе несколько оттянуться и ослабить галстуки, не опасаясь, что их этими же галстуками и удавят.

Место аркканцлера пустовало. Шатогусь обедал у себя в кабинете, как и подобает человеку, избранному богами после серьезного обсуждения его кандидатуры с благоразумными старшими волшебниками. Несмотря на свои восемьдесят лет, Шатогусь немного нервничал – даже второго цыпленка не доел.

Спустя несколько минут ему предстояло произнести речь. В молодые годы Шатогусь искал могущества в странных местах: он сражался с демонами в пылающих октограммах, всматривался в измерения, о которых обыкновенным людям знать не полагается, и даже представал перед комитетом Незримого Университета по выдаче грантов. Но пресловутые восемь кругов ада – ничто по сравнению с парой сотен лиц, с интересом глазающих на него сквозь сигаретный дым.

Скоро за ним придут герольды. Он вздохнул, отодвинул нетронутый пудинг, пересек комнату и, остановившись перед большим зеркалом, нащупал в кармане мантии свои заметки.

Наконец ему удалось более или менее привести их в порядок, и Шатогусь прокашлялся.

– Мои собратья по искусству! – начал он. – Даже описать не могу, насколько я... э-э, насколько... прекрасные традиции этого древнего Университета... э-э... оглядываясь на портреты давно ушедших аркканцлеров... – Он прервался, еще раз рассортировал листочки и с несколько большей уверенностью продолжил чтение. – Стоя здесь сегодня, я вспоминаю историю о трехногом уличном торговце и, э-э, купеческих дочерях. Вроде бы этот купец...

В дверь постучали.

– Войдите! – рявкнул Шатогусь, взглядываясь в записи. – Этот купец, – бормотал он, – этот купец, да, у этого купца было три дочери. Думаю, так. Да. Их было три. Может показаться...

Он взглянул в зеркало и обернулся.

– Кто ты та... – начал он.

И обнаружил, что на свете бывают вещи и похуже, чем произносить речи.

Темная фигура, крадущаяся по пустынным коридорам, услышала этот шум, но не обратила на него особого внимания. Там, где люди занимаются магией, неприятные шумы – довольно распространенная штука. Фигура что-то искала. Она сама не знала, что именно, но была уверена, что узнает, как только найдет искомое.

Через несколько минут поиски привели ее в комнату Шатогуся. Воздух был густым от маслянистых клубов дыма. В

струйках сквозняка медленно плавали крошечные частички сажи, а на полу виднелось несколько выжженных отметин в форме человеческой ступни.

Фигура пожала плечами. Чего только не увидишь в комнатах волшебников... Заметив в разбитом зеркале свое множественное отражение, она поправила капюшон и снова принялась за поиски.

Она неслышно обошла комнату, двигаясь как человек, который прислушивается к указаниям внутреннего голоса, и наконец оказалась возле стола, на котором стояла высокая круглая обшарпанная кожаная коробка. Фигурка подкралась ближе и осторожно подняла крышку.

Донесшийся изнутри голос звучал так, будто проходил сквозь уложенный в несколько слоев ковер.

«Наконец-то, – пробурчал голос. – Где тебя так долго носило?»

– Но они-то все как начинали? В смысле тогда, в старые времена, жили настоящие волшебники, никаких тебе уровней. Они просто шли и... делали. Пф!

Парочка других посетителей, сидящих в затемненном зале трактира «Залатанный Барабан», беспокойно оглянулась на шум. В городе они были новичками. Постоянные клиенты никогда не обращали внимания на неожиданные звуки типа стонов или неприятного скрежета. Так было гораздо безопаснее для здоровья. В некоторых районах города любопыт-

ство не только убивало кошку, но еще и сбрасывало ее в реку с привязанными к лапам свинцовыми грузами.

Руки Ринсвинда неуверенно бродили над шеренгой стоящих на столе пустых кружек. Ему почти удалось забыть о тараканах. Еще одна кружечка, и, может быть, он сумеет забыть о матрасе.

– У-у! Огненный шар! Пш-ш! Исчезает как дым! У-у!.. Прости.

Библиотекарь предусмотрительно убрал кружку с остатками пива подальше от машущих рук Ринсвинда.

– Настоящая магия.

Волшебник подавил отрыжку.

– У-ук.

Волшебник какое-то время смотрел на пену в последней недопитой кружке, после чего с величайшей осторожностью – чтобы верхняя часть его черепа не упала на пол – нагнулся и налил немного пива в блюдечко Сундука. Сегодня тот, к немалому облегчению Ринсвинда, прятался под столом. Сундук любил ставить своего хозяина в неловкое положение, пристраиваясь в трактирах к посетителям и терроризируя их до тех пор, пока его не угощали чипсами.

Затуманенный мозг Ринсвинда пытался сообразить, где именно ход мыслей отклонился в сторону.

– На чем я закончил?

– У-ук, – подсказал библиотекарь.

– Ага, – просветлел Ринсвинд. – У них, знаешь ли, не было

всяких уровней и степеней. В те дни жили чудесники. Они бродили по миру, отыскивали новые заклинания, переживали приключения.

Он обмакнул палец в лужицу пива и машинально начал что-то рисовать на поцарапанном, покрытом пятнами деревянном столе.

Один из наставников как-то отозвался о Ринсвинде примерно следующими словами: «Если вы назовете его понимание теории магии *ничтожным*, у вас не останется подходящего слова, чтобы описать его владение магической практикой». Это изречение всегда ставило Ринсвинда в тупик. Утверждение «Чтобы быть волшебником, нужно хорошо владеть магией» он не принимал. Глубоко в мозгу Ринсвинд *знал*, что он – волшебник. Хорошо владеть магией во все не обязательно. Это просто дополнительная деталь, и она никак не может определять статус человека.

– Когда я был маленьким, – задумчиво проговорил он, – я увидел в одной книжке изображение чудесника. Он стоял на вершине горы, размахивал руками, и волны поднимались прямо к нему, как это бывает в Анкском заливе в шторм. Повсюду сверкали молнии...

– У-ук?

– Я откуда знаю, может, он носил резиновые сапоги, – рявкнул Ринсвинд, а затем мечтательно продолжил: – Еще у него были посох и шляпа, совсем как моя, и глаза его вроде как светились, а из кончиков пальцев исходило вот такое

сверкание. Тогда я подумал, что в один прекрасный день сделаю то же самое и...

– У-ук?

– Ладно, уговорил, мне половинку.

– У-ук.

– Интересно, а чем ты расплачиваешься? Каждый раз, когда тебе дают деньги, ты их съедаешь.

– У-ук.

– Потрясающе.

Ринсвинд закончил свой рисунок по пиву. Там была изображена фигурка по типу «ручки-ножки-огуречик», стоящая на утесе. Не очень-то похоже – рисунки на выдохшемся пиве не относятся к точным видам искусства, – но картинка явно замышлялась как портрет самого Ринсвинда.

– Вот кем я хотел бы стать, – поделился он. – Пф! А не возиться со всякой ерундой. Все эти книжки и прочее – не в них кроется магия. Что нам нужно, так это настоящее волшебство.

Последнее замечание могло бы получить приз как самое ошибочное утверждение дня, если бы Ринсвинд тут же не добавил:

– Эх, жаль, что чудес больше не бывает.

Лузган постучал по столу ложкой.

В своей церемониальной мантии Почтенного Совета Провидцев с пурпурным, отделанным мехом дурностоя капюшо-

ном и желтым поясом волшебника пятого уровня он представлял собой внушительное зрелище. Волшебником пятого уровня он был уже три года, в течение которых с нетерпением ждал, когда же один из шестидесяти четырех волшебников шестого уровня отбросит копыта и освободит ему место. Однако сейчас казначей пребывал в хорошем расположении духа. Он не только прекрасно пообедал, но еще и раздобыл небольшой флакончик гарантированно безвкусного яда – при правильном употреблении это зелье обеспечит ему продвижение уже в ближайшие пару месяцев. Жизнь казалась чудесной.

Большие часы в конце зала задрожали, готовясь пробить девять.

Выбиваемая ложкой барабанная дробь не возымела должного эффекта. Лузган схватил оловянную пивную поварешку и с силой ударил ею по столу.

– Братья! – прокричал он и кивнул головой, когда шум голосов стих. – Благодарю. Поднимитесь, пожалуйста, для церемонии, гм, с ключами.

По залу прокатился смешок, и волшебники, предвкушающе переговариваясь, начали отодвигать скамьи и неуверенно подниматься на ноги.

Двойные двери зала были заперты на замок и три засова. Вступающий в должность аркканцлер должен три раза попросить, чтобы его впустили, и только тогда двери откроются. Это означало, что он назначается на свой пост с общего

согласия всех волшебников. Или нечто в том же духе. Происхождение данной традиции затерялось в глубине веков, и это было не самым худшим основанием, чтобы продолжать ей следовать.

Разговоры понемногу затихли. Собравшиеся в зале волшебники уставились на дверь.

В нее негромко постучали.

– Уходи прочь! – заорали волшебники, и кое-кто из них покотился со смеху, наслаждаясь утонченностью данного образчика юмора.

Лузган взял в руки большое железное кольцо, на котором висели ключи от Университета. Не все из них были металлическими. Не все были видимыми. А некоторые имели поистине странный вид.

– Кто стучится там, снаружи? – спросил Лузган.

– Я.

И вот что удивительно было в этом голосе: каждому из волшебников показалось, что говорящий стоит прямо у него за спиной. Большинство поймали себя на том, что оглядываются через плечо.

В тот миг, когда все потрясенно замолчали, послышался негромкий резкий щелчок замка. На глазах у волшебников, с замороженным ужасом наблюдавших за происходящим, железные защелки сами собой отошли назад; огромные дубовые засовы, которые Время превратило в нечто более твердое, чем камень, выскользнули из пазов; дверные петли по-

лыхнули сначала красным, потом желтым, затем белым светом и взорвались. Обе створки медленно и с ужасающей неизбежностью упали внутрь зала.

Сквозь дым, валящий от пылающих косяков, проступила неясная фигура.

– Черт побери, Виррид, – воскликнул один из стоящих поблизости волшебников, – это было круто!

Фигура шагнула на свет, и все увидели, что это вовсе не Виррид Шатогусь.

Он был по крайней мере на голову ниже любого другого волшебника и облачен в простую белую одежду. А еще он был на несколько десятилетий моложе – он выглядел лет на десять. В руке незванный гость держал длиннющий посох.

– Эй, да это же не волшебник...

– Где ж его капюшон?

– А где его *шляпа*?

Незнакомец прошел вдоль шеренги изумленных волшебников и наконец оказался перед столом для президиума. Лузган посмотрел вниз и увидел худое юное лицо, обрамленное копной белокурых волос, и пару золотистых глаз, словно светящихся изнутри. Но казначею показалось, что они смотрят не на него, а вроде как в точку, находящуюся где-то за его затылком. Создавалось впечатление, что он, Лузган, стоит у этого юнца поперек дороги и его присутствие здесь противоречит требованиям данного момента.

Однако он наконец собрал все свое достоинство и гордо

выпрямился.

– Что это, гм, означает? – осведомился он.

Ему пришлось признать, что прозвучала фраза довольно неловко, но неподвижность пылающего взгляда словно стерла из его памяти все подходящие слова.

– Я пришел, – объявил незнакомец.

– Пришел? Зачем?

– Чтобы занять свое место. Где здесь мое кресло?

– Так ты из студентов? – побелев от ярости, поинтересовался Лузган. – Как тебя зовут, молодой человек?

Паренек, не обращая на него внимания, оглядел собравшихся волшебников.

– Кто из вас самый могущественный? – спросил он. – Хочу с ним познакомиться.

Повинуясь кивку Лузгана, двое университетских привратников, которые в течение последних нескольких минут тихонько подбирались к непрошеному гостю, встали по обе стороны от мальчишки.

– Выведите его отсюда и вышвырните на улицу, – приказал Лузган.

Привратники, рослые, серьезного вида здоровяки, кивнули и вцепились в тонкие, как пруттики, руки мальчугана похожими на грозди бананов пальцами.

– Твой отец еще услышит о твоём поведении, – сурово предупредил Лузган.

– Он уже услышал, – отозвался мальчик и, взглянув на

обоих привратников, пожал плечами.

– Что здесь происходит?

Обернувшись, Лузган увидел Скармера Биллиаса, главу Ордена Серебряной Звезды. В то время как Лузган был худым и жилистым, Биллиас, напротив, имел склонность к полноте и походил на небольшой воздушный шарик, удерживаемый у самой земли и почему-то наряженный в одежды из синего бархата с дурностаем. Вместе взятые, оба волшебника как раз составили бы двух нормальных людей.

К несчастью, Биллиас был из тех, кто гордится своим умелым обращением с детьми. Он нагнулся, насколько позволил ему его обед, и приблизил к мальчику красное, обрамленное бакенбардами лицо.

– В чем дело, парень? – осведомился он.

– Этот ребенок ворвался сюда, потому что хочет познакомиться с могущественным волшебником. Во всяком случае, так он утверждает, – неодобрительно пояснил Лузган, который относился к детям с активной неприязнью, и, возможно, именно поэтому они находили его таким захватывающим.

В данный момент Лузган успешно подавлял рвущиеся наружу вопросы по поводу двери.

– В этом нет ничего плохого, – кивнул Биллиас. – Каждый способный мальчик хочет стать волшебником. Когда я был маленьким, я тоже хотел стать волшебником. Правда, малыш?

– Ты могущественный? – осведомился мальчик.

– Гм-м?

– Я говорю, ты могущественный? Насколько велика твоя сила?

– Сила? – переспросил Биллиас. Он выпрямился, потрогал свой пояс волшебника восьмого уровня и подмигнул Лузгану. – О, довольно велика. По меркам волшебников, очень велика.

– Прекрасно. Я вызываю тебя на состязание. Покажи мне твое самое сильное волшебство, и, когда я тебя побью, ну, тогда я стану аркканцлером.

– Ах ты, наглый... – начал Лузган, но его протест утонул во взрыве хохота.

Волшебники от смеха катались по полу. Биллиас даже хлопнул себя по коленям или, по крайней мере, по тем местам, до которых сумел дотянуться.

– Значит, дуэль? – уточнил он. – Неплохо, неплохо...

– Как ты прекрасно знаешь, дуэли запрещены, – возразил Лузган. – Кроме того, это же смешно! Не знаю, кто открыл ему дверь, но я не собираюсь стоять здесь и смотреть, как ты тратишь наше драгоценное время...

– Ну, ну, – перебил его Биллиас. – Как тебя зовут, мальчуган?

– Койн.

– Койн, сэр! – рявкнул Лузган.

– Что ж, Койн, – продолжал Биллиас, – хочешь увидеть, на что я способен?

– Да.

– Да, сэр! – рявкнул Лузган.

Койн посмотрел на казначея немигающим взглядом, взглядом, старым как мир, одним из тех взглядов, которые, не зная усталости, рассматривают вас с нагретых солнцем скал на вулканических островах. Лузган почувствовал, как у него пересохло во рту.

Биллиас поднял ладонь, требуя тишины, с театральным взмахом закатал рукав на левой руке и вытянул ее вперед.

Собравшиеся волшебники с интересом наблюдали. Волшебники восьмого уровня, как правило, считают себя выше магии и проводят большую часть своего времени в созерцании (к примеру, меню) и в попытках избежать назойливого внимания честолюбивых волшебников седьмого уровня. Зрелище стоило того, чтобы на него посмотреть.

Биллиас ухмыльнулся мальчику, и тот ответил ему взглядом, который фокусировался в точке, расположенной в нескольких дюймах позади затылка старого волшебника.

Биллиас, несколько выбитый из равновесия, пару раз согнул и разогнул пальцы. Он вдруг понял, что происходящее не очень-то походит на игру, и ему неудержимо захотелось произвести хорошее впечатление. Это желание было быстро подавлено нахлынувшим раздражением. Нельзя позволять себе раскисать...

– Я покажу тебе, – он сделал глубокий вдох, – Волшебный Сад Малигри.

По залу прокатился шепоток. Лишь четверем волшебникам за всю историю Университета удалось воссоздать Сад во всей его полноте. Большинство ограничивалось деревьями и цветами, кое-кому были под силу птицы. Это было не самое могущественное заклинание, оно не могло передвигать горы, но для того, чтобы справиться с тончайшими деталями, встроенными в сложную систему слогов, созданную Малигри, требовалось незаурядное мастерство.

– Как ты можешь заметить, – добавил Биллиас, – в рукаве у меня ничего нет.

Его губы зашевелились. Руки замелькали в воздухе. На его ладони появился кружок золотистых искр, который затем выгнулся вверх, образуя едва различимую сферу, и начал заполняться содержимым...

Легенда гласит, что Малигри, один из последних истинных чудесников, создал этот Сад в качестве небольшой, существующей вне времени персональной вселенной, в которой он мог спокойно покурить и немного подумать вдали от мирских забот. Что само по себе было загадкой, поскольку ни один волшебник так и не сумел понять, откуда у такого могущественного существа, как чудесник, какие-то там заботы. Но, как бы то ни было, Малигри все дальше уходил в собственный мир, а потом, в один прекрасный день, он взял да и закрыл за собой вход.

Сад вырос сверкающим шаром в руках Биллиаса. Стоящие поблизости волшебники с восхищением заглядывали

ему через плечо и рассматривали сферу двух футов в диаметре, внутри которой виднелся изящный, покрытый цветами пейзаж. Позади раскинулось озеро, воссозданное со всеми подробностями, вплоть до легчайшей зыби, а за прекрасным леском поднимались пурпурные горы. Крошечные, размером с пчелу, птицы перелетали от дерева к дереву, а два пасущихся оленя, не крупнее мыши, подняли головы и уставились на Койна.

Который с критической ухмылкой произнес:

– Неплохо. А ну, дай-ка сюда.

Мальчик взял из рук волшебника неосязаемую сферу и поднял в воздух.

– Почему бы не сделать ее побольше? – поинтересовался он.

Биллиас промокнул лоб обшитым кружевами платком.

– Ну, – слабо отозвался он, настолько пораженный тоном Койна, что у него просто не осталось сил возмутиться, – с тех времен эффективность заклинания слегка...

Койн постоял, склонив голову набок и будто к чему-то прислушиваясь, а затем прошептал несколько слов и погладил поверхность сферы.

Сфера раздалась вширь. Только что она была игрушкой в руках мальчика, а в следующий миг...

...Волшебники оказались на прохладной траве тенистого луга, мягко сбегаящего к озеру. С гор дул легкий ветерок; он нес с собой запахи тимьяна и сена. Небо было темно-синим,

а прямо над головой отливало пурпуром.

Со своего пастбища под деревьями за неожиданными гостями с подозрением следили олени.

Лузган потрясенно опустил глаза. Его шнурки клевал павлин.

– ... – начал он и остановился.

Койн все еще держал в руках сферу, сферу, созданную из воздуха. Внутри, словно сквозь лупу или доньшко бутылки, виднелся искаженный Главный зал Незримого Университета.

Мальчик оглянулся на деревья, задумчиво сощурился на далекие, покрытые снежными шапками горы и кивнул изумленным волшебникам:

– Неплохо. Я хотел бы побывать здесь снова.

Он сделал руками замысловатый пасс, который необъяснимым образом словно вывернул все наизнанку.

Волшебники опять очутились в Главном зале, и мальчик держал на ладони уменьшившийся в размерах Сад. В наступившей тяжелой, потрясенной тишине он вложил сферу обратно в руки Биллиаса.

– Это было довольно интересно, – сказал мальчик. – А теперь я покажу вам свое волшебство.

Он поднял руки, в упор посмотрел на Биллиаса, и тот исчез.

Как это обычно бывает в подобных ситуациях, в зале началось столпотворение. В его центре стоял совершенно невоз-

мутимый Койн, вокруг которого расплзлось облако маслянистого дыма.

Лузган, не обращая внимания на воцарившийся хаос, медленно нагнулся и с величайшей осторожностью поднял с пола павлинье перо. Задумчиво проведя им взад-вперед по губам, он перевел взгляд с двери на мальчика, затем – на пустующее кресло аркканцлера. Его тонкие губы сжались, и он улыбнулся.

Час спустя, когда в чистом небе над городом загремел гром, когда Ринсвинд начал тихонько напевать, совершенно забыв про тараканов и одинокий матрас, все еще бродивший по улицам, Лузган закрыл дверь кабинета аркканцлера и повернулся к своим собратам по магическому ремеслу.

Их было шестеро, и они были крайне обеспокоены.

Настолько обеспокоены, как заметил Лузган, что даже слушались его, простого волшебника пятого уровня.

– Он пошел спать, – сообщил Лузган. – Прихватив стакан горячего молока.

– Молока? – переспросил один из волшебников, и в его усталом голосе прозвучал ужас.

– Он слишком молод для алкогольных напитков, – пояснил казначей.

– Ах да. Как глупо с моей стороны.

– Вы видели, что он сделал с дверью? – спросил сидящий напротив волшебник с темными кругами вокруг глаз.

– Я видел, что он сотворил с Биллиасом!

– А что он с ним сотворил?

– Даже знать этого не желаю!

– Братья, братья, – успокаивающе проговорил Лузган.

«Слишком много обедов, – поглядев на их обеспокоенные лица, подумал казначей. – Слишком много послеполуденных часов потрачено на ожидание слуг с чаем. Слишком много времени проведено в душных комнатах за чтением старых книг, написанных давно умершими людьми. Слишком много золотой парчи и смехотворных церемоний. Слишком много жира. Университет созрел, и его достаточно один раз как следует толкнуть...

Или как следует потянуть...»

– Не знаю, действительно ли мы столкнулись здесь, гм, с проблемой, – сказал он.

Мрачнодум Дермент из Мудрецов Неведомой Тени ударил по столу кулаком.

– Черт побери, приятель! – рявкнул он. – Какой-то ребенок забредает сюда из синей дали, расправляется с двумя искуснейшими волшебниками Университета, усаживается в кресло аркканцлера, и ты не можешь определить, столкнулись мы с проблемой или нет? Этот мальчишка – волшебник от природы! Судя по тому, что мы видели сегодня, ни один волшебник на Диске не сможет победить его!

– А почему мы должны его побеждать? – рассудительным тоном спросил Лузган.

– Потому что он более могуществен, чем мы!

– И?

Голос Лузгана был способен превратить лист стекла во вспаханное поле. Мед по сравнению с ним походил на гравий.

– Совершенно очевидно, что...

Мрачнодум заколебался. Лузган подбодрил его улыбкой.

– Кхе-кхе.

Это подал голос Мармарик Кардинг, глава Очковтирателей. Он сложил пальцы домиком и проницательно посмотрел поверх них на Лузгана. Казначей испытывал к нему активную неприязнь. У него были сильные сомнения насчет ума этого человека. Лузган подозревал, что этот ум может быть очень острым и что за исчерченным прожилками вен лбом скрывается мозг, битком набитый отполированными до блеска маленькими шестеренками, которые крутятся как сумасшедшие.

– Он вроде бы не проявляет чрезмерного желания пустить эту силу в ход, – заметил Кардинг.

– А как насчет Биллиаса и Виррида?

– Ребяческая обида, – отмахнулся Кардинг.

Остальные волшебники переводили взгляд с него на казначея. Им было ясно, что здесь что-то происходит, но они никак не могли уловить, что именно.

Причина, по которой волшебники не правят Диском, довольно проста. Дайте двум волшебникам кусок веревки, и

они немедленно начнут тянуть его в разные стороны. Что-то в генах или воспитании заставляет их относиться к взаимному сотрудничеству весьма скептически – по сравнению с ними старый слон с неизлечимой зубной болью может показаться трудолюбивым муравьем.

Лузган развел руками.

– Братья, – повторил он, – неужели вы не видите, что происходит? Перед вами талантливый юноша, выросший в уединении, гм, где-нибудь в невежественной сельской местности. Подчиняясь древнему зову магии, которая бурлит в его крови, он проделал долгий путь через горы и долины, пережил боги знают какие опасности и наконец достиг цели своего путешествия, одинокий и напуганный, стремящийся только к тому, чтобы мы, его наставники, своим уравнивающим влиянием сформировали и направили его талант. Кто мы такие, чтобы гнать его, гм, в зимнюю пургу, отшатнувшись от...

Громко высморкавшись, Мрачнодум прервал разглагольствования казначея.

– Сейчас не зима, – категорично заявил один из волшебников, – и ночь довольно теплая.

– *В предательски изменчивую весеннюю ночь*, – парировал Лузган, – и воистину проклят будет тот человек, кто, гм, в такое время не протянет руку...

– Уже почти лето.

Кардинг задумчиво почесал нос.

– У мальчишки был посох, – заметил он. – Откуда он взял эту палку? Ты не спрашивал?

– Нет, – ответил Лузган, все еще тихо ненавидя назойливого знатока календаря.

Кардинг с многозначительным видом – во всяком случае, так показалось Лузгану – принялся рассматривать свои ноги.

– Ну, какой бы эта проблема ни была, – проговорил он демонстративно скучающим (по мнению Лузгана) голосом, – до завтра она подождет, не развалится.

– Да он же стер Биллиаса с лица Диска! – воскликнул Мрачнодум. – А в комнате Виррида, говорят, не осталось ничего, кроме сажи!

– Может быть, они первые начали, – не растерялся Кардинг. – Не сомневаюсь, мой дорогой собрат, уж ты-то не позволишь какому-то юнцу победить себя в делах Искусства.

Мрачнодум заколебался.

– Ну, э-э, – протянул он, – нет. Разумеется, нет, – он взглянул на невинно улыбающегося Кардинга и громко кашлянул. – Конечно же нет, естественно. Биллиас повел себя очень глупо. Однако разумная осторожность, несомненно...

– Тогда давайте, – добродушно предложил Кардинг, – будем осторожными утром. Братья, отложим это совещание. Мальчик спит и в этом, по крайней мере, являет нам пример. Утром все будет выглядеть не так мрачно, вот увидите.

– Мне известны случаи, когда этого не происходило, –

хмуρο заявил Мрачнодум, который никогда не доверял Молодости.

Он считал, что она еще ни разу ничем хорошим не закончилась.

Старшие волшебники один за другим покинули кабинет и вернулись в Главный зал, где обед после девятой перемены блюд был в самом разгаре. Чтобы отбить у волшебников аппетит, требуется нечто большее, чем немного магии и человек, которого у них на глазах превратили в дым.

По какой-то необъяснимой причине Лузган и Кардинг остались в кабинете наедине. Они сидели каждый по свою сторону длинного стола и наблюдали друг за другом, как кошки. Кошки могут сидеть в разных концах переулка и наблюдать друг за другом часами, мысленно выполняя маневры, которые любого гроссмейстера заставили бы показаться человеком порывистым и импульсивным. Но кошкам далеко до волшебников. Ни тот ни другой не собирались делать ход, не прогнав в уме весь предстоящий разговор.

Лузган сдался первым.

– Все волшебники – братья, – заявил он. – Мы должны доверять друг другу. У меня есть кое-какая информация.

– Знаю, – отозвался Кардинг. – Тебе известно, кто этот мальчик.

Губы Лузгана беззвучно зашевелились в попытке предугадать следующий виток разговора.

– Ты не можешь это утверждать, – заявил он через ка-

кое-то время.

– Мой дорогой Лузган, когда ты нечаянно говоришь правду, ты краснеешь.

– Я не краснел!

– Именно это, – подтвердил Кардинг, – я и имел в виду.

– Ну хорошо, – уступил Лузган. – Наверное, ты все знаешь.

Толстый волшебник пожал плечами.

– Просто тень подозрения, – ответил он. – Но почему я должен вступать в *союз*, – он поклатал непривычное слово во рту, – с тобой, простым волшебником пятого уровня? Я мог бы получить информацию более надежным способом – выкачав ее из твоего еще живого мозга. Это я не к тому, чтобы тебя обидеть, ты понимаешь, я всего лишь хочу знать.

В следующие несколько секунд события развивались слишком быстро, чтобы не-волшебники могли в них разобраться, но произошло примерно следующее.

На протяжении разговора Лузган под прикрытием стола незаметно чертил в воздухе знаки Ускорителя Мегрима. И вот сейчас он что-то прошептал себе под нос и метнул заклинание вдоль столешницы. Оно проделало в лаковом покрытии дымящуюся борозду и примерно на полпути встретилось с серебряными змеями, которые слетели с кончиков пальцев Кардинга, применившего разработанное братом Хашмастером заклинание Эффективного Гадосейства.

Заклятия врезались друг в друга, превратились в зеле-

ный огненный шар и взорвались, заполнив комнату мелкими желтыми кристаллами.

Волшебники обменялись долгими, медленными взглядами – такими взглядами можно запросто жарить каштаны.

Откровенно говоря, Кардинг был удивлен. Хотя ему не стоило удивляться. Волшебники восьмого уровня редко сталкиваются с необходимостью доказывать свое магическое искусство. Теоретически равным с ними могуществом обладают лишь семь других волшебников, а все волшебники низших уровней – они по определению, ну, как бы это сказать, ниже. Это делает волшебников восьмого уровня самодовольными. А Лузган вообще был на пятом уровне.

Возможно, жизнь наверху трудна, и, вероятно, в самом низу она еще труднее, но на полдороги к вершине она настолько тяжела, что ее можно использовать в качестве балласта. К этому времени все безнадежные лентяи, глупцы и откровенные неудачники отсеиваются, простор для деятельности открыт, и каждый волшебник оказывается в одиночестве, окруженный со всех сторон смертельными врагами. Снизу поджимает четвертый уровень, только и ожидающий случая подставить ножку. Сверху давит заносчивый шестой, стремящийся растоптать все честолюбивые стремления. А с боков теснят собраты по пятому уровню, всегда готовые использовать любую возможность, только бы немного уменьшить число соперников. На месте тут не постоишь. Волшебники пятого уровня злобны и упорны, у них стальные ре-

флексы, а их глаза превратились в узкие щелки оттого, что они постоянно вглядываются в метафорическую финишную прямую, в конце которой ждет приз всех призов – шляпа аркканцлера.

Кардинг почувствовал, что сотрудничество привлекает его своей новизной. Оно обладало заслуживающей внимания силой, которую при помощи взятки можно было обратить себе на пользу. Разумеется, впоследствии ей, возможно, придется... подрезать крылышки...

«Покровительство», – думал Лузган. Он слышал, как люди вне Университета используют этот термин, и знал, что он означает: добиться от тех, кто стоит выше тебя, чтобы они оказали тебе поддержку. Естественно, в обычных условиях ни один волшебник и не подумает оказывать поддержку коллеге, если только не надеется застать его этим врасплох. Одна мысль о том, чтобы самым натуральным образом поощрять соперника... Но, с другой стороны, этот старый болван может оказаться полезным, а впоследствии, ну что ж...

Они разглядывали друг друга с взаимным сдержанным восхищением и бесконечным недоверием, но, по крайней мере, это было недоверие, на которое можно положиться. Пока не наступит это самое «впоследствии».

– Его зовут Койн, – сообщил Лузган. – Он утверждает, что его отца зовут Ипслор.

– Интересно, сколько у него братьев? – проговорил Кардинг.

– Что-что?

– Подобной магии не появлялось в Университете уже много веков, – пояснил Кардинг. – А может, и тысячелетий. Я только читал о ней.

– Тридцать лет назад мы изгнали отсюда одного Ипслора, – сказал Лузган. – Согласно нашим сведениям, он женился. Я отдаю себе отчет в том, что если у него и были сыновья, то они стали волшебниками, но не понимаю, как...

– Это было не волшебство. Это было чудовство, – откидываясь в кресле, возразил Кардинг.

Лузган уставился на него через покрытую пузырями лакированную крышку стола.

– Чудовство?

– Восьмой сын волшебника становится чудесником.

– Я этого не знал!

– Об этом не извещают широкую публику.

– Да, но... Чудесники жили давным-давно, магия тогда была гораздо сильнее, гм, люди были другими... Это не имело отношения к, гм, размножению.

«Восемь сыновей... – думал Лузган. – Значит, он занимался этим восемь раз. По меньшей мере. О боги».

– Чудесники могли все, – продолжал он. – Они были почти такими же могущественными, как боги. Гм. Это приводило к бесконечным неприятностям. Боги просто не могли позволить, чтобы это продолжалось.

– Ну да, когда чудесники сражаются друг с другом, могут

возникнуть проблемы, – согласился Кардинг. – Но один чудесник не доставит нам неприятностей. То есть один чудесник, следующий верным советам. Которые он получает от более зрелых и мудрых людей.

– Но он настаивает на шляпе аркканцлера!

– Так почему бы ему ее не получить?

У Лузгана отвалилась челюсть. Это уж слишком – даже для него.

Кардинг одарил казначея любезной улыбкой.

– Но шляпа...

– Просто символ, – перебил Кардинг. – В ней нет ничего особенного. Если он ее хочет, он ее получит. Это мелочь. Просто символ, не более. Номинальная шляпа.

– Номинальная?

– Которую носит номинальное лицо.

– Но аркканцлера выбирают боги!

Кардинг приподнял бровь.

– Неужели? – кашлянул он.

– Ну да, наверное, выбирают. Если можно так выразиться.

– *Если можно так выразиться?* – Кардинг поднялся и подобрал подол мантии. – Думаю, тебе придется многому научиться. Кстати, где эта шляпа?

– Не знаю, – ответил Лузган, который еще не совсем пришел в себя. – Видимо, где-нибудь, гм, в покоях Виррида.

– Лучше сходить за ней, – заметил Кардинг. Он остановился в дверях и задумчиво погладил бороду. – Я помню

Ипслора. Мы вместе учились. С ним никто не мог сладить. Странные привычки. Прекрасный волшебник был... пока не пошел по кривой дорожке. Помню, у него была манера дергать бровью, когда он перевозбуждался.

Кардинг окинул безучастным взглядом события сорокалетней давности, всплывшие у него в памяти, и вздрогнул.

– Шляпа, – напомнил он себе. – Давай найдем ее. Мало ли что с ней может случиться.

По правде говоря, шляпа вовсе не собиралась допускать, чтобы с ней что-то случилось, а поэтому в данный момент спешила к трактиру «Залатанный Барабан» под мышкой у некоего весьма озадаченного вора в черном.

Этот вор, как вскоре станет очевидным, был необычным вором. Он слыл артистом в своем деле. Другие просто крали все, что не прибито гвоздями, но этот крал даже гвозди. Он шокировал Анк-Морпорк тем, что проявлял особый интерес к присвоению – и с удивительным успехом – вещей, которые не только были прибиты гвоздями, но еще и лежали в недоступных сокровищницах под охраной зорких стражников. Бывают художники, которые могут расписать огромный купол какой-нибудь часовни. Этот вор был способен его украсть.

Данному вору приписывалась кража усыпанного драгоценными камнями жертвенного ножа, совершенная из храма Оффлера, Бога-Крокодила, в самый разгар вечерней молит-

вы; а также кража серебряных подков у лучшей скаковой лошади патриция в тот момент, когда названная лошадь выигрывала скачки. Когда Гритоллера Мимпси, вице-президента Гильдии Воров, толкнули на рынке, а потом, по прибытии домой, он обнаружил пропажу из потайного местечка свежесукраденной горсти бриллиантов, он сразу понял, кто за этим стоит⁷. Этот вор легко мог украсть идею, поцелуй или чье-нибудь сердце.

Однако некоторое время назад он впервые в жизни украл то, что не только попросило его об этом негромким и не терпящим возражений голосом, но и дало точные, не подлежащие обсуждению указания насчет того, что дальше делать.

Стояла середина ночи – поворотная точка полных забот анк-морпорских суток. Это время, когда люди, зарабатывающие себе на жизнь при свете солнца, отдыхают после своих трудов, а те, кто занимается честным промыслом под холодными лучами луны, только набираются сил, чтобы отправиться на работу. То есть сутки вступили в ту тихую пору, когда уже слишком поздно для ограбления и еще слишком рано для кражи со взломом.

Ринсвинд, который в одиночку сидел в продымленном, битком набитом зале «Барабана», даже не шелохнулся, когда над его столиком промелькнула какая-то тень и напротив уселась зловещая фигура. В этом месте в зловещих фигурах не было недостатка. «Барабан» ревностно хранил свою

⁷ Поясним, что для надежности Гритоллер эти драгоценности проглотил.

репутацию самого стильного и дурно славящегося трактира в Анк-Морпорке, и здоровенный тролль, который охранял дверь, тщательно осматривал посетителей, чтобы у каждого имелись обязательные черные плащи, сверкающие глаза, магические мечи и так далее. Ринсвинд так и не выяснил, что тролль делает с теми, кого отбраковывает. Возможно, он их ест.

– Эгей! – тихонько донесся хриплый голос из глубины черного бархатного капюшона, отороченного мехом.

– До эгей еще далеко, – откликнулся Ринсвинд, пребывающий в смутном настроении духа, – но мы работаем над этим.

– Я ищу волшебника, – заявил голос. Он был искажен и оттого казался сиплым, но сиплые голоса в «Барабане» опять-таки не в диковинку.

– Какого-то конкретного? – осторожно осведомился Ринсвинд.

Так можно нарваться на неприятности.

«Волшебника, который с почтением относится к традициям и не прочь рискнуть жизнью за высокое вознаграждение», – ответил ему другой голос, донесшийся из круглой черной кожаной коробки, которую незнакомец держал под мышкой.

– Ага, – отозвался Ринсвинд, – это несколько сужает круг ваших поисков. А в ваше задание входит опасное путешествие в неведомые и, возможно, грозящие погибелью земли?

– Если честно, то входит.

– Встречи с жуткими тварями? – улыбнулся Ринсвинд.

– Вероятны.

– Почти верная смерть?

– Точно.

– Что ж, желаю вам всяческих успехов в ваших поисках. –

Ринсвинд кивнул и взялся за шляпу. – Я бы и сам вам помог, но только не стану это делать.

– Что?

– Извините. Не знаю почему, но перспектива верной смерти в неведомых землях от когтей экзотических чудовищ – это не для меня. Я это уже пробовал, и оно у меня как-то не пошло. Каждому – свое, так я говорю, а я был создан для скуки.

Он нахлобучил шляпу на голову и неуверенно поднялся на ноги.

Он уже дошел до подножия лестницы, ведущей наверх, на улицу, когда чей-то голос у него за спиной произнес:

– А настоящий волшебник сразу согласился бы.

Ринсвинд мог не останавливаться. Мог подняться по ступенькам, выйти на улицу, купить в клатчской забегаловке, что в Сниггсовом переулке, пиццу и завалиться в постель. История бы в этом случае полностью изменилась и стала значительно короче, зато Ринсвинд как следует выспался бы, хотя в отсутствие матраса ему пришлось бы спать на полу.

Будущее затаило дыхание, ожидая, что Ринсвинд уйдет

прочь.

Он не сделал этого по трем причинам. Одной было спиртное. Другой – тот крошечный огонек гордости, который мерцает в груди даже самого осторожного труса. Но третьей причиной был голос.

Он был прекрасен. Звучал так, как выглядит дикий шелк.

Вопрос отношения волшебников к сексу довольно сложен, но, как уже указывалось, в основном все сводится к следующему: когда дело доходит до вина, женщин и песен, волшебникам позволяется напиваться в доску и мычать себе под нос сколько душе угодно.

Юным волшебникам объясняли это так: овладение магией – дело, требующее больших затрат сил и времени, оно несовместимо с деятельностью, которой занимаются в духоте и украдкой. Гораздо разумнее, говорили им, забыть о подобных вещах, а вместо этого усесться за «Аккультизм Для Начинающих» Воддли. Как ни странно, молодых волшебников сие объяснение, по-видимому, не удовлетворяло, и они подозревали, что настоящая причина состоит в том, что все правила пишутся старыми волшебниками. Страдающими запущенным склерозом. Но на самом деле истинная причина была давно забыта: если бы волшебникам позволялось размножаться, как кроликам, это привело бы к угрозе появления чудесников.

Разумеется, Ринсвинд успел повращаться в обществе и кое-что повидать. Но при помощи нечеловеческих усилий он

мог-таки обуздать свои чувства и спокойно провести в женском обществе несколько часов подряд, не испытывая необходимости принять холодный душ и пойти прилечь. Но этот голос даже статую заставил бы сойти с пьедестала и сделать несколько быстрых кругов по стадиону и пятьдесят отжиманий. Это был голос, который даже «доброе утро» произносит так, как будто приглашает в постель.

Незнакомка откинула капюшон и вытряхнула из-под него свои длинные волосы. Они были почти абсолютно белыми, а поскольку кожу девушки покрывал золотистый загар, общее впечатление было рассчитано на то, чтобы нанести мужским чувствам удар, подобный удару свинцовой трубой по голове.

Ринсвинд заколебался и упустил прекрасную возможность промолчать. С верхней площадки раздался хриплый бас тролля:

– Эй, я же шкажал, тебе шюда нельзя...

Девушка прыгнула вперед и сунула Ринсвинду в руки круглую кожаную коробку.

– Быстрее, ты должен пойти со мной. Ты в большой опасности!

– Почему?

– Потому что, если ты не пойдешь, я тебя убью.

– Да, но подожди минутку, в таком случае... – слабо запротестовал Ринсвинд.

На верхней площадке лестницы появились три стражника из личной охраны патриция. Их начальник с сияющей улыб-

кой оглядел раскинувшийся внизу зал. Улыбка давала понять, что страж порядка будет единственным, кто вволю насладится шуткой.

– Никому не двигаться, – посоветовал он.

Ринсвинд услышал за спиной бряцание оружия, означавшее, что несколько стражников появились и у задней двери.

Остальные посетители «Барабана» застыли, держа руки на разнообразных рукоятках. Это была не обычная городская стража, осторожная и добродушно-продажная. Это были ходячие глыбы мускулов, абсолютно неподкупные хотя бы потому, что патриций мог заплатить больше, чем кто-либо другой. Как бы там ни было, стражу интересовала именно девушка. Остальные клиенты расслабились и приготовились вкушать зрелище. Когда станет ясно, кто побеждает, может быть, будет иметь смысл присоединиться.

Ринсвинд почувствовал, как пальцы у него на запястье сжались еще сильнее.

– Ты что, чокнулась? – прошипел он. – Впутываться в дела самого босса?!

Послышался свист, и из плеча сержанта внезапно выросла рукоять ножа. Потом девушка резко обернулась и с хирургической точностью заехала маленькой ножкой прямо в пах первому же стражнику, который сунулся в дверь. Двадцать пар глаз сочувственно прослезились.

Ринсвинд схватил свою шляпу и попытался нырнуть под ближайший стол, но у пальцев была просто стальная хватка.

Следующий приблизившийся стражник поймал нож в бедро. Затем девушка вытащила шпагу, похожую на очень длинную иглу, угрожающе подняла ее и осведомилась:

– Ну, кто следующий?

Один из стражников прицелился в нее из арбалета. Библиотекарь, который сидел, сгорбившись над своей кружкой, лениво протянул руку, смахивающую на две ручки от метел, связанные резинкой, и шлепком повалил стражника на спину. Стрела отскочила от звезды на шляпе Ринсвинда и впи­лась в стену рядом с уважаемым сводником, сидящим на два столика дальше. Его телохранитель метнул нож, который едва не попал в стоящего у противоположной стены вора, который подхватил скамейку и заехал ею двум стражникам, которые тут же принялись тузить ближайших посетителей. Одно событие повлекло за собой другое, и довольно скоро все, кто был в зале, принимали участие в драке, отчаянно пыта­ясь где-нибудь оказаться – либо на улице, либо на свободе, либо верхом на противнике.

Ринсвинд почувствовал, что его неумолимо тянут за стой­ку бара. Трактирщик сидел под стойкой на мешках с деньга­ми. На коленях у него лежали два скрещенных мачете, а сам он воспользовался спокойной минуткой, чтобы пропустить стаканчик. Время от времени звук ломающейся мебели за­ставлял его вздрагивать.

Последним, кого увидел Ринсвинд, прежде чем его уво­локли прочь, был библиотекарь. Несмотря на внешний вид,

напоминающий волосатый резиновый мешок, заполненный водой, орангутан по росту и размаху рук не уступал никому из присутствующих. В настоящее время он сидел на спине у одного из стражников и пытался – не без успеха – открутить тому голову.

Но Ринсвинда больше заботило то, что его тащат куда-то вверх.

– Моя дорогая госпожа! – в отчаянии взвыл он. – Что у тебя на уме?

– Здесь есть выход на крышу?

– Да. А что в этой коробке?

– Ш-ш-ш!

Пробежав по грязному коридору, она остановилась у поворота, вытащила из поясной сумки горсть маленьких металлических штучек и рассыпала их по полу позади себя. Каждая из штучек была сделана из четырех гвоздей, сваренных вместе так, что, как бы они ни падали, один всегда торчал вверх.

Девушка критически посмотрела на ближайшую дверь и задумчиво спросила:

– У тебя, случаем, нет с собой примерно четырех футов тонкой проволоки?

Она вытащила еще один метательный нож и начала подбрасывать его на ладони.

– Не думаю, – слабо откликнулся Ринсвинд.

– Жаль. У меня кончилась. Ну ладно, пошли.

– За что? Я ничего не сделал!

Девушка приблизилась к окну, распахнула ставни, перекинула ногу через подоконник и, на мгновение задержавшись, бросила через плечо:

– Прекрасно. Оставайся и объясни это стражникам.

– Почему они гонятся за тобой?

– Понятия не имею.

– Да ладно тебе! Должна же быть причина!

– О, причин куча. Я просто не знаю, какая именно. Ты идешь?

Ринсвинд заколебался. Личная охрана патриция не славилась отзывчивостью в поддержании общественного порядка, предпочитая сразу резать нарушителей на куски. А девиз их был: «Удуши ближнего своего», поэтому попытка к бегству рассматривалась стражей как особо тяжкое преступление.

– Наверное, я все-таки пойду с тобой, – галантно поклонился Ринсвинд. – Одинокая девушка в этом городе может попасть в беду.

Улицы Анк-Морпорка были заполнены холодным туманом. В удушливых клубах факелы уличных торговцев казались окруженными небольшим желтым ореолом.

– Мы от них оторвались, – осторожно выглянув из-за угла, заметила девушка. – Кончай дрожать. Мы в безопасности.

– Хочешь сказать, что теперь я остался с маньяком-убийцей женского пола один на один? – переспросил Ринсвинд. –

Прекрасно.

Девушка расслабилась и расхохоталась.

– Я следила за тобой, – заявила она. – Час назад ты боялся, что твое будущее окажется скучным и неинтересным.

– Я *хочу*, чтобы оно оказалось скучным и неинтересным, – горько отозвался Ринсвинд. – И *боюсь*, что оно окажется слишком коротким.

– Отвернись, – приказала она, заходя в переулок.

– Ни за что в жизни, – отрезал он.

– Я собираюсь раздеться.

Ринсвинд поспешно повернулся к ней спиной; его лицо пылало. Позади послышался шорох, и его ноздрей коснулся запах духов.

– Теперь можешь смотреть, – спустя какое-то время сказала она.

Ринсвинд не шелохнулся.

– Не беспокойся. Я просто переделалась.

Он открыл глаза. На девушке было скромное белое кружевное платье с привлекательно пышными рукавами. Ринсвинд разинул рот. Вдруг ему стало абсолютно ясно, что до сих пор неприятности, в которые он попадал, были простыми, ничтожными и он запросто мог из них выпутаться, имея шанс уладить дело разговорами или хотя бы воспользоваться преимуществом на старте. Его мозг начал посылать срочные сообщения необходимым для рывка с места мускулам, но, прежде чем последние успели получить донесение, девушка

снова схватила Ринсвинда за руку.

– Тебе правда не стоит так нервничать, – сладким голо-
сом промурлыкала она. – А теперь давай полюбуемся на эту
штуковину.

Она сняла крышку с круглой коробки, лежащей в несо-
противляющихся руках Ринсвинда, и вытащила шляпу арк-
канцлера.

Октарины вокруг ее тульи сверкали всеми восемью цве-
тами спектра, создавая в туманном переулке такую феерию,
что для достижения ее любыми немагическими средствами
понадобился бы очень талантливый специалист по спецэф-
фектам и целая батарея светофильтров.

Ринсвинд мягко опустился на колени.

Девушка бросила на него озадаченный взгляд.

– Ноги подкосились?

– Это... это же Шляпа. Шляпа *аркканцлера*, – хрипло вы-
говорил Ринсвинд. Его глаза сузились. – Ты украла ее! – за-
орал он, с трудом поднимаясь на ноги и предпринимая по-
пытку ухватиться за сверкающие поля.

– Это обыкновенная шляпа.

– Отдай мне ее сию же секунду! Женщины не должны при-
касаться к ней! Она принадлежит волшебникам!

– Чего ты так кипятишься? – поинтересовалась девушка.

Ринсвинд открыл рот. Ринсвинд закрыл рот.

«Неужели ты не понимаешь, это же шляпа аркканцлера! –
хотел воскликнуть он. – Ее носит глава всех волшебников,

э-э, голова главы всех волшебников, нет, в метафорическом смысле ее носят все волшебники, по крайней мере теоретически. Это то, к чему стремится каждый волшебник, символ организованной магии, остроконечная вершина профессии, воплощение...»

И так далее. Ринсвинду рассказали о шляпе в его первый день в Университете, и эти рассказы запали в его впечатлительную душу, как свинцовый груз в кисель. Ринсвинд редко в чем был уверен до конца, но он никогда не сомневался в важности шляпы аркканцлера. Видно, даже волшебники нуждаются в том, чтобы в их жизни была хоть чуточка волшебства.

«Ринсвинд», – позвала шляпа.

Он уставился на девушку.

– Она заговорила со мной!

– Голосом, который звучит прямо у тебя в голове?

– Да!

– Со мной она тоже так говорила.

– Но ей известно мое имя!

«Разумеется, глупец. Ведь мы, в конце концов, *магическая шляпа*».

Голос шляпы был не просто суконным. Он дробился и распадался, словно жуткое множество голосов говорили одновременно и почти в унисон.

Ринсвинд взял себя в руки.

– О великая и прекрасная шляпа, – напыщенно начал он, –

повергни наземь сию глупую деву, которая имела наглость, нет, наха...

«Заткнись. Она украла нас, потому что мы ей так приказали. И как раз вовремя».

– Но она... – Ринсвинд заколебался, после чего пробормотал: – Она ведь женского рода.

«Твоя мать тоже была женского рода».

– Да, э-э, но она сбежала еще до моего рождения, – буркнул Ринсвинд.

«Из всех трактиров с дурной репутацией, которые имеются в этом городе, ты полезла именно в этот», – пожаловалась шляпа.

– Он был единственным волшебником, которого я смогла найти, – возразила девушка. – Он и выглядел соответствующим образом. На шляпе было написано «Валшебник»...

«Никогда не верь написанному. Но все равно, уже слишком поздно. У нас мало времени».

– Погодите, погодите, – поспешно перебил Ринсвинд. – Что происходит? Ты *хотела*, чтобы тебя украли? *Почему* у нас мало времени? – Он обвиняюще ткнул в шляпу пальцем: – И вообще, ты не можешь позволять, чтобы тебя просто так крали, тебе полагается пребывать на... на голове аркканцлера! Сегодня была церемония, мне следовало присутствовать...

«В Университете происходит нечто ужасное. Нам ни в каком случае нельзя было там оставаться, понимаешь? Ты дол-

жен отвезти нас в Клатч, там найдется человек, достойный носить нас».

– Зачем?

В голосе шляпы, решил Ринсвинд, присутствовало нечто странное. Он звучал так, что не повиноваться ему было невозможно. Если бы этот голос приказал ему прыгнуть с обрыва, Ринсвинд успел бы пролететь полдороги, прежде чем ему пришло бы в голову, что можно было послушаться.

«Близится гибель всех волшебников».

– А почему? – виновато оглянувшись, спросил Ринсвинд.

«Грядет конец света».

– Как, опять?

«Я не шучу, – угрюмо буркнула шляпа. – Триумф Ледяных Великанов, Абоквалиписис, Тайная Чаевня Богов – полный набор».

– И мы можем этому помешать?

«Будущее не дает на сей вопрос четкого ответа».

Непреклонный ужас, застывший на лице Ринсвинда, медленно поблек.

– Это что, загадка? – уточнил волшебник.

«Возможно, будет проще, если ты просто исполнишь то, что тебе говорят, вместо того чтобы пытаться что-то понять, – посоветовала шляпа. – Девушка, положи нас обратно в коробку. Вскоре нас будет разыскивать множество людей».

– Эй, погоди, – не унимался Ринсвинд. – Я не раз видел тебя, и раньше ты никогда не говорила.

«Не было необходимости что-либо говорить».

Ринсвинд кивнул. Это показалось ему логичным.

– Послушай, сунь ее в коробку и давай сваливать, – поторопила его девушка.

– Пожалуйста, чуть больше уважения, юная дама, – высокомерно отозвался Ринсвинд. – Ты имеешь честь обращаться к символу древнего института волшебников.

– Тогда ты его и понесешь, – парировала она.

– Эй-эй! – заорал Ринсвинд, поспешая за девушкой, которая вихрем пронеслась через несколько переулков, пересекла узкую улочку и свернула в очередной проулок между двумя домами, которые, точно пьяные, наклонялись друг к другу так, что их верхние этажи самым натуральным образом соприкасались.

– Ну? – остановившись, резко спросила девушка.

– Ты ведь тот самый таинственный вор, да? – осведомился он. – Это о тебе все говорят, о том, как ты крадешь даже из закрытых сокровищниц... А ты не такая, как я себе представлял...

– Да? – холодно отозвалась она. – И какая же я?

– Ну, ты... меньше ростом.

– Слушай, ты идешь или нет?

Уличные фонари, вещь редкая в этой части города, вообще исчезли. Впереди не было ничего, кроме настороженной темноты.

– Я сказала, пошли, – повторила девушка. – Чего ты бо-

ишься?

Ринсвинд набрал в грудь побольше воздуха.

– Убийц, грабителей, воров, карманников, щипачей, разбойников, бандитов, насильников и гопстопщиков, – перечислил он. – Мы же направляемся напрямиком в Тени!⁸

– Да, зато сюда не придут нас искать, – указала она.

– О, прийти-то придут, просто обратно не выйдут, – успокоил Ринсвинд. – И мы тоже. Я имею в виду, такая красивая юная дама, как ты... страшно подумать... то есть некоторые личности здесь...

– Но ты же будешь рядом и защитишь меня, – возразила она.

Ринсвинду показалось, что за несколько улиц от того места, где они стояли, послышался топот марширующих ног.

– Знаешь, – вздохнул он, – я почему-то не сомневался, что именно так ты и скажешь.

«Да. По этим зловещим улицам мне придется пройти, – подумал Ринсвинд. – А по некоторым – пробежать».

В эту туманную весеннюю ночь в Тенях стоит такая те-

⁸ Периодическое издание анк-морпоркской Гильдии Купцов «Дабро пажаловаться в Анк-Морпоркъ, горад тысячи сюпризов» описывает часть старого Морпорка, известную под названием Тени, как «проникнутую народными духами сеть древних периулков и живаписных улиц, где за каждым углом таяца возбуждающие и рамантические приключения и часто слышаца таридцыонные уличные крики прежних времен. Сдесь вас встретят смиюющиеся литцаЁ абитателей, спешащих по сваим личным делам». Иными словами, вас предупредили.

мень, что вам будет слишком темно читать о продвижении Ринсвинда по жутковато-мрачным улицам, так что это описание поднимется над богато украшенными крышами и лесом искривленных дымовых труб и полюбуется немногочисленными мерцающими звездочками, которым удалось пробиться сквозь клубы тумана. Оно попытается не обращать внимания на долетающие снизу звуки – топот бегущих ног, посвист, скрежет, стоны, приглушенные вскрики. Может быть, это какое-то дикое животное рыщет по Теням после двухнедельной диеты...

Где-то неподалеку от центра Теней – этот район до сих пор не целиком нанесен на карту – расположен небольшой дворик. По крайней мере, здесь на стенках горят факелы, но проливаемый ими свет – это свет самих Теней: скупой, красноватый, с темной сердцевиной.

Ринсвинд, пошатываясь, ввалился во двор и повис на стене, ища у нее поддержки. Девушка, что-то напевая себе под нос, шагнула в багровый свет у него за спиной.

– Ты в порядке? – спросила она.

– Хр-р-р, – отозвался Ринсвинд.

– Не расслышала?

– Эти люди... – вырвалось у него. – Ну, то, как ты пнула его в... когда ты схватила их за... а потом ударила ножом прямо в... кто же ты такая?!

– Меня зовут Канина.

Ринсвинд какое-то время смотрел на нее ничего не выра-

жающим взглядом.

– Извини, – наконец буркнул он, – мне это ни о чем не говорит.

– Я тут недавно, – пояснила она.

– Да я и не думал, что ты здешняя, – кивнул Ринсвинд. – Я бы о тебе слышал.

– Я сняла здесь комнату. Зайдем?

Ринсвинд взглянул на облезлую вывеску, едва различимую в дымном свете потрескивающих факелов. Она сообщала, что гостиница, скрывающаяся за небольшой темной дверью, носит название «Голова Тролля».

Вы можете подумать, что «Залатанный Барабан», всего час назад бывший ареной неприличной потасовки, – малопочтенный трактир с дурной репутацией. На самом деле это самый что ни на есть почтенный трактир с дурной репутацией. Его клиенты обладают некоей грубоватой респектабельностью – они могут спокойно убивать друг друга, как равные равных, и делают это вовсе не из мстительности. Ребенок может зайти в этот трактир за стаканом лимонада, и самое страшное, что его будет ждать, – это затрещина от матери, когда та услышит, как обогатился словарь ее чада. В спокойные ночи трактирщик – если он точно знал, что библиотекарь сегодня не появится, – ставил на стойку миски с орешками.

«Голова Тролля» была настоящей сточной канавой. Ее посетители, если бы исправились, почистились и вообще до

неузнаваемости изменились, могли бы – всего-навсего могли бы! – надеяться на то, что их сочтут обыкновенными наимерзейшими отбросами общества. В Тенях каждый отброс – настоящий отброс.

Кстати, та штука, что болтается над входом, вовсе не вывеска. Решив назвать гостиницу «Головой Тролля», хозяева не стали мелочиться.

Ринсвинд почувствовал, что его подташнивает, и, прижимая к груди бурчащую коробку, шагнул внутрь.

Тишина. Она сомкнулась вокруг них, почти такая же густая, как дым от дюжины субстанций, гарантированно превращающих любой нормальный мозг в сыр. Сквозь смог различались блестящие, полные подозрений глазки.

По крышке стола со стуком прокатилась пара игральные костей. Издаваемый ими звук был очень громким, и, вероятно, на них не выпало счастливое для Ринсвинда число.

Следуя по залу за сдержанной и удивительно маленькой Каниной, волшебник не мог не заметить, что на них glareют несколько десятков посетителей. Он бросил косой взгляд на ухмыляющихся мужиков, которые убили бы его без единой мысли – честно говоря, с мыслями здесь было совсем туго.

Там, где в приличном трактире располагалась стойка, стоял ряд приземистых черных бутылок, а у стены – пара больших бочек на козлах.

Тишина стиснула их, как затягиваемый жгут. «В любую минуту...» – тоскливо подумал Ринсвинд.

Рослый толстяк, на котором не было ничего, кроме меховой куртки и кожаной набедренной повязки, оттолкнул свой табурет, пошатнувшись, поднялся на ноги и с гнусной ухмылкой подмигнул коллегам. Его открывшийся рот был похож на окруженную каемкой дыру.

– Ищете мужчину, а, дамочка? – поинтересовался он.

Канина взглянула на него.

– Слушай, не лезь...

По залу змейкой пополз смех. Рот Канины захлопнулся, словно почтовый ящик.

– О-о... – проворковал здоровяк. – Здорово, люблю девчонок с характером...

Рука Канины пришла в движение. Мелькнула в воздухе бледным размытым пятном, остановившись *здесь* и *здесь*; верзила постоял несколько секунд, не веря своим ощущениям, затем тихо хрюкнул и медленно сложился пополам.

Все, кто был в зале, подались вперед. Ринсвинд отпрянул. Инстинкт подсказывал ему, что нужно делать ноги, но волшебник знал, что если он последует своему инстинкту, его немедленно прихлопнут. Это Тени. И пусть то, что должно случиться, случится с ним здесь. Впрочем, эта мысль его отнюдь не утешила.

Чья-то рука зажала ему рот. Хищные пальцы выхватили коробку.

Пробегающая мимо Канина крутнулась и, приподняв юбку, аккуратно врезала ногой по цели, находящейся рядом с

талией Ринсвинда. Волшебнику в ухо кто-то захныкал и свалился на пол. Грациозно порхая по залу, девушка подхватила две бутылки, отбила доньшки о полку и, приземляясь, выставила перед собой зазубренные горлышки. Морпоркские кинжалы, как их называют на уличном жаргоне.

Оказавшись лицом к лицу с «кинжалами», завсегда и «Головы Тролля» сразу потеряли к происходящему всякий интерес.

– Кто-то забрал шляпу, – пробормотал Ринсвинд пересохшими губами. – Они удрали через черный ход.

Девушка бросила на него свирепый взгляд и направилась к двери. Толпа посетителей «Головы» машинально расступилась перед ней, словно акулы, признавшие другую акулу. Ринсвинд рванул следом, торопясь смыться, пока на его счет не сделали противоположных выводов.

Они вылетели в очередной проулок и с топотом понеслись по мостовой. Ринсвинд старался не отставать от девушки. Преследующие ее люди имели обыкновение наступать на острые предметы, а Ринсвинд не был уверен, что она узнает его в темноте.

Сквозь мелкий, неохотно морозящий дождь в конце переулка виднелось слабое голубоватое свечение.

– Подожди!

Ужаса в голосе Ринсвинда оказалось достаточно, чтобы девушка сбавила темп.

– Что случилось?

– Почему грабитель остановился?

– Вот это мы сейчас у него и спросим, – твердо пообещала Канина.

– И почему он покрыт снегом?

Она притормозила и повернулась к волшебнику. Руки ее были уперты в бока, а ножка нетерпеливо постукивала по влажным булыжникам мостовой.

– Ринсвинд, я знакома с тобой всего час, но меня удивляет, что ты прожил даже так долго!

– Да, но ведь мне это все-таки удалось! У меня вроде как талант к выживанию. Спроси кого угодно. Я к этому даже пристрастился.

– К чему?

– К жизни. Привык к ней с раннего возраста и не хочу бросать эту привычку. В общем, можешь мне поверить, здесь что-то не так!

Канина оглянулась. Человек был окружен сияющей голубой аурой и, такое впечатление, рассматривал что-то у себя в руках.

Снег ложился ему на плечи, словно перхоть. Неизлечимая перхоть. У Ринсвинда был нюх на такие штуки, и его мучило сильное подозрение, что этот человек пребывает там, где ему не понадобится никакой шампунь.

Они боком скользили вдоль поблескивающей стены.

– Ты прав, какой-то он странный, – согласилась она.

– Ты имеешь в виду то, что он завел себе персональную

метель?

– Вроде бы его это не огорчает. Он улыбается.

– Я бы назвал это застывшей улыбкой.

Увешанные сосульками руки незнакомца успели приоткрыть крышку коробки, и сияние нашитых на шляпу октарринов освещало пару жадных глаз, покрытых толстой коркой инея.

– Знаешь его? – осведомилась Канина.

Ринсвинд пожал плечами.

– Видел в городе. Его зовут Лисица Ларри или Куница Феззи. Или вроде того. Какой-то грызун. Обыкновенный вор. Безобидный.

– У него такой вид, как будто ему ужасно холодно, – поежилась Канина.

– Полагаю, он отправился в более теплое место. Тебе не кажется, что нам следует закрыть коробку?

«Сейчас мы не представляем для вас никакой опасности, – донесся из сияния голос шляпы. – Но так погибнут все враги волшебников».

Ринсвинд не собирался верить тому, что говорила шляпа.

– Нам нужно что-нибудь, чем можно опустить крышку, – пробормотал он. – Нож или нечто вроде. У тебя, случайно, нет ножа?

– Не смотри, – предупредила Канина.

Послышался шорох, и Ринсвинд вновь ощутил аромат духов.

– Теперь можешь оглянуться.

Она подала ему двенадцатидюймовый метательный нож. Ринсвинд осторожно взял его. На острие поблескивали крошечные частички металла.

– Спасибо. – Он повернулся к ней. – Надеюсь, я не лишил тебя последнего ножа, а?

– У меня есть другие.

– Я почему-то не сомневался.

Ринсвинд несмело вытянул руку. Приблизившись к кожаной коробке, лезвие побелело, и от него пошел пар. Ринсвинд тихо заскулил, почувствовав, как его ладонь обожгло холодом – колючим, пронизывающим холодом, который поднялся вверх по его руке и предпринял решительную попытку атаковать разум. Силой воли Ринсвинд заставил свои онемевшие пальцы двигаться и ткнул край крышки кончиком ножа.

Сияние поблекло. Снег быстро растаял и сменился моросящим дождем.

– Я бы хотела сделать для него что-нибудь. Нельзя ж просто взять и бросить его здесь...

– Он не станет возражать, – убежденно произнес Ринсвинд.

– Да, но по крайней мере его можно прислонить к стенке.

Ринсвинд кивнул и взялся за увешанную сосульками замерзшую руку вора. Вор выскользнул из его пальцев и рухнул на булыжную мостовую.

Где разлетелся на куски.

– Уф, – поежилась Канина.

В противоположном конце переулка, рядом с задней дверью «Головы Тролля», произошло какое-то волнение. Ринсвинд почувствовал, как у него из руки выхватывают нож, после чего этот нож пролетел по пологой дуге, которая закончилась у косяка находящейся в отдалении двери. Любопытствующие мгновенно скрылись.

– Лучше убираться отсюда, – заметила Канина, торопливо шагая по переулку. – Мы можем где-нибудь спрятаться? У тебя дома, например?

– Обычно я ночую в Университете, – отозвался Ринсвинд, вприпрыжку поспешая за ней.

«Возвращаться в Университет нельзя», – прорычала шляпа из глубины коробки.

Ринсвинд рассеянно кивнул. Эта мысль его тоже не привлекала.

– Все равно после наступления темноты женщин внутрь не пускают, – сообщил он.

– А до наступления темноты?

– Тоже.

– Глупо, – вздохнула Канина. – И чем вам женщины не приглянулись?

– Предполагается, что они и не должны нам приглядываться, – нахмутив лоб, сообщил Ринсвинд. – В том-то все и дело.

Над морпоркским портом висел зловещий серый туман, покрывая каплями влаги снасти, клубясь среди покосившихся крыш, таясь в переулках. Некоторые считали, что ночной порт – еще более опасное место, чем Тени. Два грабителя, воришка-карманник и какой-то прохожий, который просто постучал Канину по плечу, чтобы спросить, который час, уже в этом убедились.

– Не возражаешь, если я спрошу тебя кое о чем? – осведомился Ринсвинд, перешагивая через незадачливого прохожего, который лежал, свернувшись в клубок над одному ему ведомой болю.

– Ну?

– В смысле, я не хотел бы тебя обидеть...

– Ну?

– Просто я не мог не заметить...

– Гм-м?

– У тебя совершенно определенный подход ко всем незнакомцам.

Ринсвинд быстро пригнулся, но ничего не произошло.

– Что ты там внизу делаешь? – раздраженно спросила Канина.

– Извини.

– Я знаю, что ты думаешь. Но ничего не могу поделать, в отца пошла.

– Кем же он был? Коэном-Варваром?

Ринсвинд ухмыльнулся, чтобы показать, что это он так

шутит. По крайней мере, его губы предприняли отчаянную попытку изобразить полумесяц.

– Ничего смешного не вижу, волшебник.

– Что?

– Я в этом не виновата.

Губы Ринсвинда беззвучно зашевелились.

– Прости, – наконец пробормотал он. – Я правильно понял? Твой отец в самом деле *Коэн-Варвар*?

– Да. – Девушка бросила на Ринсвинда хмурый взгляд и добавила: – У каждого должен быть отец. Полагаю, даже у тебя.

Она заглянула за угол.

– Все чисто. Пошли.

Когда они зашагали по влажной мостовой, Канина продолжила:

– Наверное, твой отец тоже был волшебником.

– Вряд ли, – отозвался Ринсвинд. – Волшебству не позволяется передаваться от отца к сыну.

Он замолк. Он знал Коэна и даже присутствовал на одном из его бракосочетаний, когда Коэн женился на девушке, которая была ровесницей Канины. Этого у Коэна было не отнять, он использовал каждый час своего времени на полную катушку.

– Куча народу была бы не прочь пойти в Коэна, ну, он лучше всех сражался, был величайшим из воров и...

– Куча *мужчин*, – оборвала его Канина. Она прислонилась

к стене и смерила волшебника свирепым взглядом. – Есть такое длинное слово, мне его сказала одна старая ведьма... никак не могу вспомнить... вы, волшебники, знаете все о длинных словах.

Ринсвинд перебрал в памяти длинные слова.

– Мармелад? – наугад брякнул он.

Девушка раздраженно покачала головой.

– Оно означает, что ты пошел в своих родителей.

Ринсвинд нахмурился. Насчет родителей у него было слабовато.

– Клептомания? Рецидивист? – начал гадать он.

– Начинается с «н».

– Нарциссизм? – в отчаянии высказался Ринсвинд.

– Нос-следственность, – вспомнила Канина. – Та ведьма объяснила мне, что это значит. Моя мать была танцовщицей в храме какого-то безумного бога, а мой отец спас ее, и... они какое-то время были вместе. Говорят, внешность и фигура достались мне от нее.

– И они очень даже недурны, – с безнадежной галантностью вставил Ринсвинд.

Канина покраснела.

– Да, но от *него* мне достались жилы, которыми можно швартовать корабли, рефлексy, точно у змеи на горячей сковородке, ужасная тяга к воровству и жуткое ощущение, что при первой встрече с человеком я прежде всего должна всадить нож в его глаз с расстояния в девяносто футов. И ведь

я это могу, – с едва различимой гордостью добавила она.

– О боги.

– Мужчин это отталкивает.

– Наверное, – слабо подтвердил Ринсвинд.

– После того как они об этом узнают, очень трудно удержать их возле себя.

– Полагаю, только за горло, – кивнул Ринсвинд.

– Совсем не то, что нужно, чтобы наладить настоящие отношения.

– Да. Понимаю, – сказал Ринсвинд. – И все же это здорово помогает, если хочешь стать знаменитым воров-варваром.

– Но нисколечки не помогает, – возразила Канина, – если хочешь стать парикмахером.

– А-а.

Они уставились на туман.

– Что, действительно парикмахером? – уточнил Ринсвинд.

Канина вздохнула.

– Видимо, на парикмахеров-варваров спрос небольшой, – заметил Ринсвинд. – То есть никто не нуждается в «подстричь-и-отрубить».

– Просто каждый раз, когда я вижу набор для маникюра, меня охватывает ужасное желание рубить направо и налево двуручным ножом для заусениц. В смысле мечом.

– Я знаю, каково это бывает, – вздохнув, поведал Ринсвинд. – Я хотел быть волшебником.

– Но ты и есть волшебник.

– О-о. Конечно, но...

– Тихо!

Ринсвинд почувствовал, что отлетает к стене, где ему за шиворот необъяснимым образом потекла струйка капель сконденсировавшегося тумана. В руке Канины неведомо откуда взялся широкий метательный нож, а сама она пригнулась, словно дикий зверь или, что еще хуже, дикий человек.

– Что... – начал было Ринсвинд.

– Заткнись! – прошипела она. – Кто-то приближается!

Она плавно выпрямилась, крутнулась на одной ноге и метнула нож.

Послышался глухой, гулкий, деревянный стук.

Канина стояла и смотрела перед собой застывшим взглядом. В кои-то веки героическая кровь, которая пульсировала в ее венах, не оставляя ей ни малейшего шанса прожить жизнь счастливой домохозяйки, ничем не могла ей помочь.

– Я только что убила деревянный ящик, – проговорила девушка.

Ринсвинд заглянул за угол.

Сундук, из крышки которого торчал все еще дрожащий нож, стоял посреди мокрой улицы и смотрел на Канину. Потом, перебирая крошечными ножками в сложном рисунке танго, он слегка изменил положение и уставился на Ринсвинда. У Сундука не было абсолютно никаких видимых черт, если не считать замка и пары петель, но он мог уставиться

на вас пристальнее, чем целый выводок сидящих на скале игуан. Он мог переглядеть статую со стеклянными глазами. А в том, что касается патетического взгляда брошенного и оскорбленного существа, Сундук мог переплюнуть любого получившего пинка спаниеля и отправить его скулить в ко-нуру. Из Сундука торчали несколько сломанных стрел и са-бель.

– Что это? – шепнула Канина.

– Просто Сундук, – устало отозвался Ринсвинд.

– Он принадлежит тебе?

– Не совсем. Вроде как.

– Он опасен?

Сундук, шаркая ногами, повернулся и снова уставился на нее.

– Насчет этого существуют две теории, – ответил Ринсвинд. – Одни говорят, что он опасен, тогда как другие утверждают, что он очень опасен. А ты как думаешь?

Сундук чуть приоткрыл крышку.

Он был сделан из древесины груши разумной, растения настолько магического, что оно вымерло почти на всем Диске, сохранившись лишь в одном или двух местах. Оно смахивало на смесь олеандра и иван-чая, только росло не в воронках от бомб, а в районах, испытавших на себе воздействие мощных зарядов магии. Из груши разумной традиционно делают посохи для волшебников; из нее же был сделан Сундук.

Среди магических качеств Сундука было одно довольно простое и прямолинейное: он повсюду следовал за человеком, которого признавал своим хозяином. Не повсюду в каком-либо конкретном наборе измерений, стране, вселенной или жизни. *А вообще повсюду.* Избавиться от Сундука было труднее, чем от насморка, только Сундук был куда неприятнее.

Еще Сундук был готов на все, чтобы защитить своего хозяина. Его отношение к остальному мирозданию трудно описать, но вы можете начать с определения «кровожадно-зловный» и плясать от него.

Канина уставилась на крышку, которая крайне смахивала на рот.

– Я проголосую за «смертельно опасный», – решила она.

– Он любит чипсы, – поделился Ринсвинд. – Хотя это сильно сказано. Он *ест* чипсы.

– А как насчет людей?

– О, людей тоже. На моей памяти он сожрал в общей сложности человек пятнадцать.

– Они были хорошими или плохими?

– Думаю, просто мертвыми. Еще он стирает одежду – ты кладешь в него белье и вытаскиваешь чистым и выглаженным.

– И залитым кровью?

– Видишь ли, это и есть самое забавное, – заметил Ринсвинд.

– Забавное? – переспросила Канина, не сводя глаз с Сундука.

– Да, потому что, понимаешь, внутри у него не всегда одно и то же, он вроде как многомерный, и...

– А как он относится к женщинам?

– О, он не привередлив. В прошлом году он съел книгу заклинаний. Три дня его пучило, а потом он ее выплюнул.

– Ужасно, – пятясь, сказала Канина.

– Ага, – подтвердил Ринсвинд. – Ужаснее не бывает.

– Я имею в виду то, как он пялится!

– У него это очень здорово получается, правда?

«Мы должны ехать в Клатч, – слышался голос из коробки. – Один из этих кораблей нам подойдет. Реквизируй его».

Ринсвинд посмотрел на неясные, окутанные туманом силуэты, вырисовывающиеся под лесом матч. То тут, то там мигал якорный огонь, который выглядел во мраке небольшим размытым огненным шаром.

– Ее приказам трудно не повиноваться, – заметила Канина.

– Я пытаюсь, – отозвался Ринсвинд.

У него на лбу выступил пот.

«Теперь иди и поднимись на борт», – скомандовала шляпа.

Ноги Ринсвинда сами собой зашаркали по мостовой.

– Почему ты так со мной поступаешь? – простонал он.

«Потому что у меня нет другого выбора. Поверь, если бы я

могла найти волшебника восьмого уровня, я бы это сделала. Нельзя позволить, чтобы меня надели!»

– А почему бы и нет? Ты же шляпа аркканцлера.

«И моими устами говорят все когда-либо жившие аркканцлеры. Я – Университет. Я – Закон. Я – символ магии, находящейся под контролем людей, и не позволю надеть меня чудеснику! Чудесников не должно быть! Этот мир слишком стар для чудовства».

Канина кашлянула.

– Ты что-нибудь понял? – тихонько спросила она.

– Кое-что, но не поверил, – ответил Ринсвинд.

Его ноги по-прежнему оставались прикованными к мостовой.

«Они назвали меня номинальной шляпой! – голос был насквозь пронизан сарказмом. – Жирные волшебники, которые предают все, что когда-либо представлял собой Университет! Они назвали меня номинальной шляпой! Ринсвинд, я приказываю. И тебе, барышня. Служите мне как следует, и я исполню ваши самые заветные желания».

– Как ты можешь исполнить мое самое заветное желание, если грядет конец света?

Шляпа, похоже, задумалась над этим.

«Ну, может, у тебя есть самое заветное желание, осуществление которого займет всего пару минут?»

– Послушай, а как ты можешь заниматься магией? Ты же просто... – голос Ринсвинда постепенно затих.

«Я и есть магия. Настоящая магия. Кроме того, если тебя в течение двух тысяч лет носят величайшие волшебники Диска, ты волей-неволей чему-то да научишься. Итак. Мы должны бежать. Но, разумеется, с достоинством».

Ринсвинд бросил жалостный взгляд на Канину, которая снова пожала плечами.

– Меня можешь не спрашивать, – сказала она. – Это похоже на приключение. Боюсь, мне на роду написано искать приключений. Вот тебе и генетика⁹.

– Но я плохо переношу приключения! Уж поверь, я их пережил дюжины! – взвыл Ринсвинд.

«Значит, у тебя имеется опыт», – заключила шляпа.

– Нет, правда, я жуткий трус и всегда убегаю со всех ног, – грудь Ринсвинда вздымалась. – Опасность смотрела мне в затылок, о, сотни раз!

«Я не хочу, чтобы ты шел навстречу опасности».

– Прекрасно!

«Я хочу, чтобы ты ее избегал».

Ринсвинд обмяк.

– Но почему именно я? – простонал он.

⁹ Изучение генетики на Диске провалилось на самой ранней стадии, когда волшебники попытались проделать опыт со скрещиванием таких хорошо известных видов, как фруктовые мушки и душистый горошек. К несчастью, ученые плохо усвоили фундаментальные положения, и получившееся потомство – нечто вроде жужжащей зеленой горошины – в течение непродолжительного времени вело весьма плачевное существование, после чего было сожрано проходившим мимо пауком.

«Ради блага Университета. Ради чести всех волшебников. Ради спасения мира. Ради исполнения твоих заветных желаний. А если ты не согласишься, я заморозу тебя заживо».

Ринсвинд почти с облегчением вздохнул. Он плохо воспринимал посулы, уговоры или обращения к лучшей стороне его природы. Но вот угрозы, ну, угрозы ему знакомы. С угрозами он знал, как себя вести.

Рассвет растекся по Диску словно плохо сваренное яйцо. Туман сомкнулся над Анк-Морпорком, напозая на город серебряными и золотыми волнами, – влажный, теплый, беззвучный. Вдали, на равнинах, резвился весенний гром. Погода казалась более теплой, чем следовало бы.

Обычно волшебники спали допоздна, однако этим утром многие из них поднялись спозаранку.

Чудовство! Один или два волшебника, достойные мужи, которые прежде не были замечены ни в чем более дурном, чем поедание живых устриц, сделались невидимками и начали гоняться по коридорам за служанками.

Чудовство! Кое-кто из тех, что были посмелее, испробовал на себе старинные заклинания для полета и теперь неуклюже порхал среди балок.

Чудовство!

Только библиотекарь не принимал участия в магическом пиршестве. Сначала, поджав подвижные губы, он просто наблюдал за этими выходками, но потом опустил на четве-

реньки и заковылял в библиотеку. Если бы кто-нибудь потрудился обратить на него внимание, то заметил бы, что он запер за собой дверь.

В библиотеке царила мертвая тишина. Книги перестали буйствовать. Они прошли стадию страха и очутились в тихих водах неизбывного ужаса. Теперь они сидели, сжавшись на своих полках, словно загипнотизированные кролики.

Длинная волосатая рука протянулась к «Полному Лексикону По Маги С Насставлениями Для Мудрицов» Касплока и схватила том, прежде чем тот успел попятиться. Ладонь с длинными пальцами успокоила объятую ужасом книгу и открыла ее на букве «Ч». Библиотекарь нежно разгладил дрожащую страницу и, ведя по ней сверху вниз ороговевшим ногтем, нашел нужную статью.

Чудесник, сущ. (*миф.*). Прото-валшебник, дверь, черриз каторую можит вайти в мир новая магея, валшебник, не аграничинный ни физичискими вазможнастями собствинного тела, ни Роком, ни Смертью. Записано, што некагда, на заре мирра, сущиствавали чудесники, но к настоящему времени их не далжно быть, и слава багам, патаму што чудавство – не для людей и возврат чудавства будит азначать Канец Света... Если бы Саздатель хател, штобы люди были как боги, он дал бы нам крылья.

СМ. ТАКЖЕ: Абокралипсис, лигенда о Лидяных Виликанах и Тайная Чаевня Багов.

Библиотекарь прочитал все ссылки, вернулся к первой

статье и долго смотрел на нее глубокими темными глазами. Осторожно поставив книгу на место, он заполз под стол и натянул на голову одеяло.

Но Кардинг и Лузган, стоя на галерее для музыкантов в Главном зале и следя за разворачивающимися внизу событиями, испытывали совершенно иные чувства.

Стоя бок о бок, они выглядели в точности как число «десять».

– Что происходит? – осведомился Лузган.

Он провел бессонную ночь, и у него слегка путались мысли.

– В Университет стекается магия, – ответил Кардинг. – Вот что такое «чудесник». Канал для магии. Для настоящей магии, мой мальчик. Не той, старой и изношенной, которой мы обходились последние несколько столетий. Это рассвет, э-э... э-э...

– Нового, гм, расцвета?

– Вот именно. Бремя чудес, э-э... э-э...

– Полный анус мирабилис, в общем.

Кардинг нахмурился.

– Да, – не сразу отозвался он, – полагаю, что-то в этом роде. Знаешь, ты неплохо умеешь обращаться со словами.

– Благодарю тебя, брат.

Старший волшебник не обратил внимания на эту фамильярность. Вместо того он повернулся, облокотился о резные перила и принялся наблюдать за демонстрацией магических

фокусов. Его руки автоматически полезли в карманы за кisetом с табаком, но на полпути остановились. Он ухмыльнулся и щелкнул пальцами. Во рту у него появилась зажженная сигара.

– Я много лет учился этому, – задумчиво проговорил он. – Огромные возможности, мой мальчик. Они этого еще не осознали, но вот он, конец орденов и уровней. Это была просто, э-э, система распределения. Мы в ней больше не нуждаемся. Где этот парнишка?

– Еще спит... – начал было Лузган.

– Я здесь, – сообщил Койн.

Он стоял у входа в коридор, ведущий к покоям старших волшебников. Рука сжимала октироновый посох, который был в полтора раза выше его самого. На матово-черной поверхности посоха, такой темной, что она казалась щелью, прорезающей мир, сверкали крошечные прожилки желтого огня.

Лузган почувствовал, как золотистые глаза впиваются в него и самые сокровенные мысли прокручиваются сейчас на задней стенке его черепа.

– О, – сказал он голосом, который, по его мнению, был приветливым, как у доброго дядюшки, но на самом деле прозвучал как сдавленный предсмертный хрип. После такого начала продолжение могло быть только еще хуже, и оно не подвело ожиданий. – Я вижу, ты, гм, встал, – констатировал он.

– Мой дорогой мальчик... – вмешался Кардинг.

Койн посмотрел на него долгим, леденящим взглядом.

– Я видел тебя прошлой ночью, – заявил он. – Ты могущественный?

– Более-менее, – ответил Кардинг, припомнив склонность мальчишки использовать волшебников для игры в кегли со смертельным исходом. – Но до тебя мне далеко.

– Меня сделают аркканцлером, как предопределено мне судьбой?

– О, безусловно, – отозвался Кардинг. – Ни малейших сомнений. Можно мне взглянуть на твой посох? Интересный рисунок...

Он протянул пухлую ладонь.

Это было вопиющим нарушением этикета. Ни один волшебник даже подумать не может, чтобы прикоснуться к чужому посоху без специального на то разрешения. Но кое-кто никак не может поверить, что дети – это полноценные люди, и думает, что в общении с ними не обязательно соблюдать обычные правила приличия.

Пальцы Кардинга сомкнулись вокруг черного посоха.

Раздался звук, который Лузган скорее почувствовал, чем услышал, и Кардинг, пролетев через всю галерею, врезался в противоположную стену, будто мешок с салом, упавший на мостовую.

– Никогда больше так не делай, – предупредил Койн, повернулся, посмотрел сквозь побледневшего Лузгана и добавил: – Помоги ему подняться. Надеюсь, он не сильно постра-

дал.

Казначей торопливо пересек галерею и склонился над тяжело дышащим Кардингом, лицо которого приняло странный оттенок. Лузган хлопал волшебника по щекам, пока тот не открыл глаза.

– Видел, что случилось? – шепнул Кардинг.

– Не уверен. Гм. А что случилось? – прошептал Лузган.

– Он меня укусил.

– В следующий раз, когда прикоснешься к посоху, умрешь, – сухо констатировал Койн. – Понял?

Кардинг осторожно приподнял голову, опасаясь, как бы она не рассыпалась на кусочки.

– Я все прекрасно понял, – заверил он.

– А теперь я хотел бы осмотреть Университет, – продолжал Койн. – Я очень много о нем слышал...

Кардинг с помощью Лузгана неуверенно поднялся на ноги и, опираясь на его руку, послушно затрусил следом за мальчиком.

– Ни в коем случае не трогай его посох, – пробормотал он.

– Я не забуду, гм, что этого делать не стоит, – твердо пообещал Лузган. – И что ты почувствовал?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.